

Изабелла
Валли

ЛОКОМОТИВ
ПАРАЛЛЕЛЬНОГО
ВРЕМЕНИ

фантастика мистика фантастика мистика фантастика мистика фантастика мистика фантастика мистика

Изабелла Валлин

Локомотив параллельного времени (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6602961

*Локомотив параллельного времени: ООО «Альтернативная
литература»; М.; 2011*

ISBN 978-5-4219-0006-1

Аннотация

Судьба вечно загоняла меня в пятый угол. Из всех безвыходных ситуаций я выходила только альтернативным путём. Обычного пути мне, видимо, было не дано.

Поэтому герои моих рассказов либо попадают в исключительные ситуации, либо вообще пребывают в других измерениях.

Но элемент реальности в моих рассказах присутствует всегда. Моё творчество отражает мою жизнь взглядом из пятого угла.

Содержание

О КНИГЕ И О СЕБЕ	4
ЛОКОМОТИВ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	7
Рай тринадцати	7
Снег на Горячих Сопках	33
Лесной народ	78
Убогая	89
Сказка заброшенного дома	98
Маркиз. Танец фарфоровых фигурок	110
Незаконные супруги	123
Сад	131
Храбрый котёнок по прозвищу Паганини	136
Принц Мартин	146
Детский сад «Гнездо дракона»	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Изабелла Валлин

Локомотив

параллельного времени

О КНИГЕ И О СЕБЕ

Меня зовут Изабелла Валлин.

Родилась в 1961 году в городе Коростене, в тридцати километрах от Чернобыля.

Большую часть жизни прожила в Москве и Стокгольме.

В этой книге представлены моя проза, поэзия и живопись.

Я печаталась в нескольких русских журналах в Швеции.

Моя книга переведена на шведский и находится в Шведской библиотеке. Мои рассказы и стихи были на русском сайте «русская пальма». Писатель Рощин, а также Аркадий Мамонтов, Евгений Додолев, режиссёр Алла Сурикова читали мои рассказы и оставили положительные отзывы. К тому же я художник. Закончила четырехгодичную художественную школу, потом училась в Художественно-промышленном Строгановском художественном училище.

Я часто устраиваю выставки своих картин в Стокгольме.

Почти всё моё творчество находится на моём сайте:
izabellas.din-studio.se

Сочиняю стихи с четырёх лет, придумываю сюжеты с двенадцати, пишу с пятнадцати.

Папа очень расстраивался по этому поводу. Мама выкидывала мои литературные тетрадки. Мачеха цитировала меня как смертный приговор.

Мои родители – поколение послевоенных лимитчиков, выбравшихся в большие города из руин захолустья, где жизнь необратимо затухала.

Они женились, заводили детей, чтобы вырваться из общезжитий. Получив жильё, они тут же разводились.

Поколение без корней, без золотых цепей.

Хочу открыть новые пути для себя и народа, пока ещё есть что открывать.

Одна знакомая называла меня неудачницей.

Я считаю, что мне несказанно везёт – прожив альтернативным образом пятьдесят лет, я всё ещё жива, здорова и полна интереса к жизни.

Судьба дарила мне встречи с необъяснимым. Эти подарки посылались мне в переломные моменты жизни, и я принимала их в ясном уме и твёрдой памяти.

Я верю в интуицию больше, чем в логическое мышление.

Жизнь не баловала. Приходилось рисковать, иначе пришлось бы влачить жалкое существование. Если бы у меня не было шестого чувства, я бы просто не выжила. Конечно, во всём можно сомневаться.

Однажды, в молодости, когда я твёрдо решила не отдавать

маме всю зарплату, она сказала, что я сошла с ума.

Чтобы это доказать, она повела меня по врачам и знахарям. «Если кто-то из вас сумасшедший – то это ваша мама» – сказали специалисты в один голос. Меня это утверждение успокоило, и я стала серьёзней относиться к своим творческим идеям.

Идей у меня всегда полно. Не хватает времени, чтобы все воплотить.

Идеи не высосешь из пальца. Нужны впечатления и вера, особенно вера тех, кто для меня что-то значит и тех, для кого я что-то значу.

Судьба вечно загоняла меня в пятый угол. Из всех безвыходных ситуаций я выходила только альтернативным путём. Обычного пути мне, видимо, было не дано.

Поэтому герои моих рассказов либо попадают в исключительные ситуации, либо вообще пребывают в других измерениях.

Но элемент реальности в моих рассказах присутствует всегда.

Моё творчество отражает мою жизнь взглядом из пятого угла.

ЛОКОМОТИВ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Рай тринадцати

Нас тринадцать – пятеро мужчин и восемь женщин.

Когда заканчиваются наши странствия в сердцах друг друга, наступает зима. Наша кожа съёживается, как пожухшая листва. Наши волосы теряют глянец и мертвеют, как ветви зимней ивы. Наши веки воспаляет огонь бессонницы, и наступает время отправляться в странствие.

Космы снежного бурана хлещут по лицам, как седые волосы. Мы бредём, тяжело передвигая узловатые ноги.

Нас принимают за паломников.

На новом месте мы наскоро сооружаем шалаш и засыпаем вповалку. Проспав несколько дней, мы просыпаемся юными, ясноглазыми, гладкими. Старая кожа и помертвевшие волосы опадают, как шелуха. Новые шёлковые пряди отрастают быстро.

Нам не нужен кров, тёплый очаг и котёл с горячим варевом. Дым костра может нас выдать.

Пойманную рыбу и дичь мы едим сырую, посыпав специями и солью.

Мы счастливы, потому что мы вместе. Наша общая аура целительна. Пока мы вместе, мы бессмертны. Мы всегда в поисках приключений.

Мы встретились однажды, чтобы больше не расставаться. Это было давно, в жаркий день на рынке рабов.

Тогда мы были никем.

Мы – восемь женщин-рабынь – танцевали, потому что нам приказали.

Как танцевать в такую несносную жару? Если бы не ветер, и пару шагов не сделать.

Но морской бриз вдыхает жизнь, треплет волосы и туники, подыгрывает мелодии флейты.

Мы легко ступаем босыми ступнями по нагретому мрамору. Уже третий день длится этот танец на мраморных плитах рынка рабов.

Мушка и Шаха – эльфы, лёгкие, как паутинки. Они могут оторваться от поверхности, но не могут взлететь высоко. Рабская жизнь изуродовала их крылья. Сёстры – смуглянки. Одной формы, но разной расцветки. Мушка – блондинка синеглазая. У Шахи волосы как смоль, глаза ярко-зелёные.

Лиска-белоруска, Роза Моцарт и я, Фаина Рябина, лицами ангелочки, фигурами вакханки. У Лиски пшеничная грива, серые с тёмной каймой глаза, длинные рыжие ресницы. Роза Моцарт – белокурое дитя в стиле рококо. У нас с Розой одинаково длинные локоны. Только у меня волосы рыжие, глаза чёрные.

Тоня и Феникс тоже похожи, как сёстры. Обе породистые, как скаковые лошадки, их длинные ноги оканчиваются копытцами. У них мускулистые спины, тонкие лодыжки и кисти рук.

У Феникс крупные черты лица, как у африканки, струящиеся русые волосы, лоснящаяся гладкая кожа, жёлто-зелёные глаза. Тоня похожа на Алёнушку из сказки – тяжёлые русые косы, глаза цвета бирюзы.

Голубая Луна – двухметровая дылда, исполненная королевской грации. Она настоящая принцесса-индианка: плащ иссиня-чёрных волос, такие же сине-чёрные раскосые глаза, благородные черты лица.

Множество глаз любит нас. Взгляды мужчин ласкают наши тела, словно умащивают бальзамом.

Но для нас главные зрители – эти пятеро: один музыкант, два солдата-охранника и два пирата, оказавшиеся не у дел.

Наш танец прекрасен, потому что мы танцуем для них, глядя им в глаза, видя в них ответное желание.

Желание даёт нам силу, гибкость и лёгкость в движениях. Мы кружимся и, кажется, вот-вот улетим, но танец сопровождается звон цепей. Мы рабыни.

Хозяин не хочет продавать нас порознь. Он продаёт свой танец.

Сначала он купил музыку.

Он купил Дорио, игравшего красивую мелодию.

Очарованный этой мелодией, хозяин придумал танец, со-

бирал нас по разным рынкам, терпеливо учил.

Дорио – флейтист, композитор и поэт. Он иногда напева-ет, отбивая ритм на тамбурине. Мы импровизируем. Хозяи-ну это нравится.

Раньше мы все были влюблены только в Дорио. Он стоит любви. Хозяин запретил нам разговаривать. Музыка и танец – диалог с ним. Он похож на Вакха – кудрявый, смуглый, красивый, как бог. Его глаза цвета карамели полны нежно-сти, поэтому он иногда кажется слабым. Это не так. Когда он танцует с нами, мы чувствуем силу его рук.

Однажды Дорио подрался с чужим рабом за то, что тот не почтительно отозвался о нас, и мы убедились, что Дорио не только искусный музыкант, но и прекрасный борец.

Два охранника смотрят на нас, как на несправедливо от-нятую добычу. Они оба опытные воины. В мирное время им достались незначительные роли. Они не могут с этим сми-риться.

Обоим не больше тридцати.

Мы слышим иногда, о чём они беседуют друг с другом.

Они тренируются и принимают участие в состязаниях.

Оба в хорошей форме, но уже вышли из возраста чемпи-онов.

Игорь Зима получил своё прозвище за ледяные глаза, си-яющие из-под длинных, как у девочки, ресниц. В них краси-вый рисунок, сложенный из кристалликов льда. У Игоря му-жественное загорелое лицо с тяжёлым подбородком, статная

фигура, сильные мускулистые ноги.

Андрей Звездочёт не похож на солдата, из благородных – разорившийся патриций, белобрысый наци. У него не по-мужски мягкая белая кожа. Он ядовит в своей брезгливой циничности к «низшим расам». Поэтому его так тянет на смуглых, темноволосых девочек.

Два пирата – закадычные друзья, мастера-импровизаторы. Сначала мы думали, что они любовники и актёры-комедианты. Милан Рысь – длинный, как каланча, худощавый, жилистый, чернявый, как чёрт, только глазищи зелёные горят даже в темноте. Он гладкий и скользкий, как маслом смазанный, – пролезет в любую щель.

Белый Китай – небольшого роста, выглядит как китаец, только блондин с тёмно-зелёными глазами. Говорит, что из Германии, тоже гладкий и пронирующий. У него улыбка Будды. Я назвала его про себя дельфином. Он и плавает, как дельфин.

Милан и Китай – аферисты-неудачники.

Когда мысль о побеге пришла в голову Милана, мы все переглянулись. Как мы научились слышать мысли друг друга?

На разбитой пиратской посудине со сломанной мачтой далеко не уплывёшь.

В то последнее утро на рынке рабов мы танцевали обнажённые на расстеленном на мраморе чёрном шелке. Края ткани то вздымались от ветра, покрывая наши тела, то опали, словно лепестки цветка.

Голубая Луна держала на своих плечах меня, а у меня на плечах стояла Мушка.

«Живая мачта и чёрный парус», – подумал Милан.

Дальше всё произошло очень быстро. Мы словно стали единым существом. У четырёх из нас было оружие. За считанные минуты мы все оказались на пиратском корабле.

Голубая Луна, я и Мушка стали живой мачтой. Чёрный парус: один край чёрного шёлка под тяжёлой ступнёй Голубой Луны, другой край – на вершине пирамиды в раскинутых руках Мушки.

Остальные гребли, что есть силы.

Вечером того же дня мы штурмом взяли храм и заставили служителей обвенчать нас всех. У каждой теперь было пятеро мужей и пять колец на руке, а у каждого из наших мужчин было восемь жён и восемь колец.

После ночи оргии и короткого отдыха мы снова отправились в путь.

Мы решили посвятить свою жизнь освобождению рабов.

Мы нападаем на караваны торговцев рабами, гонящих свой товар на продажу.

Это было, как сильный порыв ветра.

Потом под ногами качнулась земля, и раздался странный звук.

Сигнал повторялся снова и снова.

Мы пошли в его направлении.

Земля словно вспенилась вокруг этого сияющего храма.

Храм был сделан из неизвестного металла. Он стоял, вонзённый в землю, как меч.

Чёрные мохнатые твари подбирались к храму, но их раз за разом отбрасывала силовая волна. Эти волны слабели, и чудовища подбирались всё ближе.

Они были сильные, но неуклюжие, как медведи. Их без труда поразили наши стрелы.

На полу храма лежали боги. Они были прекрасны.

Низвергнутые на землю, боги умирали. Один из них открыл помутившиеся страданием глаза. Он приподнялся и протянул нам ладонь, над которой висела маленькая светящаяся сфера.

...За тяжкие преступления перед разумными существами и духами я осуждён высшим советом быть вечным узником невидимой тюрьмы.

Мои хозяева решают, в кого мне вселяться, кому быть слугой.

Раб не выбирает. Раб не имеет ничего своего.

В цепи моих перевоплощений приходилось вселяться в существ, подобных сосудам, наполненным нечистотами, и находиться в них было тяжкой пыткой.

Но, наконец, судьба улыбнулась мне.

Я был отдан в дар людям, связанным между собой узами наречённого братства, супружества, дружбы и любви.

Эти люди – восемь женщин и пятеро мужчин – странствуют вместе по свету, оберегая друг друга, разделяя счастье и горе, находки и потери.

Их тела и души – прекрасные храмы, окуренные благовоениями, озарённые светом.

Мне предписано вселяться в каждого из них поочерёдно. С тех пор я благословляю день моего заключения.

Да продлится наше странствие вечно!..

Наступает новый день – жаркий, нежеланный, беспощадный, как солдат вражеской армии. Прохладная ночь тает. Гаснут звёзды моих надежд. Всё моё тело ноет от боли изнутри и снаружи. Нужно собраться с силами. За стеной ревёт лев, с которым мне сегодня придётся сразиться на арене амфитеатра.

Я всю ночь молилась богам моей страны, богам вражеской страны и богам, придуманным мною.

Моя судьба во властных руках хозяина этого мира. Иногда он называет себя богом, иногда дьяволом, иногда нисходит до титула губернатора. Мне он знаком, как губернатор.

Он может уменьшать и увеличивать себя и подвластный ему мир. Многие не чувствуют этих изменений. Я чувствую, как мельчаю, как меня начинают донимать незначительные недомогания, как увязаю в деталях и не вижу горизонта. Когда я увеличиваюсь, все эти проблемы исчезают.

Губернатор – великий волшебник и учёный, но иногда он играет жизнями, как младенец.

Губернатор принял решение уничтожить Белую империю. Слишком много они о себе возомнили. Император провозгласил себя наместником Бога.

Мы незаметно поднялись на стены города, чтобы открыть ворота. Но проклятье сверкнуло над городом молнией. Белокаменные стены, окружавшие столицу, осыпались песком под ноги. Армию, державшую осаду, отбросило ураганом. Штурм сорвался, и пятеро из нас попали в плен: я, Роза Моцарт, Мушка, Тоня Бирюза и Феникс.

Всё произошло так неожиданно, что я поняла: нам снова раздали роли. Ничего не остаётся, как их принять.

Белокурая Роза покорила красотой императора и сделалась императрицей. Беленькая, похожая на амура, Мушка в своей subtilной подростковой грации тоже зажгла похоть императора и была оставлена при вознёсшейся к власти подруге, дабы разделять любовные игры.

Тоне и Фениксу достались обречённые, но почётные роли гладиаторов.

Меня же бросили на утеху солдатам.

Каким бесконечным был вчерашний день в предгрозовой духоте и жарком поту солдатских тел. Он затянулся на месяцы. Это губернатор развлекается, манипулируя временем.

Я замкнулась в себе, отрешившись от происходящего. Сквозь марево моих страданий я вела мысленный диалог с пленёнными подругами.

Тоня и Феникс тренировались перед представлением на арене. Им было сложно сосредоточиться.

Роза и Мушка вкушали яства и тонкие вина и предавались любви с императором под звуки искусной флейты. Я слышала томные комментарии Розы о том, что каждый человек получает подходящую ему роль. Мушка с ней соглашалась.

За эти комментарии им перекрыли связь. Пусть пеняют на себя.

Ночью Игорь пробрался в город, чтобы помочь нам. Но бежать уже не было смысла. Утром оппозиция готовила переворот.

Небо стало совсем белым.

Солдаты вели или, вернее, волокли меня по коридору.

Амфитеатр раскрылся, как зев гигантского червя. Я в центре в окровавленном разорванном платье монашки в ожидании льва.

Императору, восседавшему в золочёном кресле, пришла в голову забавная идея. Он обратился к прекрасной императрице и одетой мальчиком юной наложнице: «Эта подруга еле на ногах держится. Её вчера солдаты весь день мутузили».

Император приказал подать доспехи и оружие.

«Подари подруге более достойную смерть», – сказал он Мушке.

Я почувствовала, как этот мир стал стремительно увеличиваться. Открылся горизонт. Свежий ветер дунул мне в лицо.

Мушка, одетая в доспехи, с алым плащом за спиной, стоит передо мной на арене. Нежданный поворот судьбы. У меня в руках трезубец. У неё меч. Она неуверенно пытается парировать мои удары.

Хоть я измотанная, истерзанная, грязная и голодная, я больше не чувствую боли, только злость на малодушную подругу. Ей придётся умереть. Это всего лишь мгновение на первом уровне – годы на уровне втором.

Взмахнув алым плащом, как бабочка крыльями, поверженная Мушка упала на песок арены.

На востоке поднялась волна пыли. Голубая Луна, одетая в кольчугу, восседая на белом коне, исполненная королевской грации властным движением указала мечом в направлении города, и железный поток конных рыцарей понёсся в атаку.

На западе тоже неслось к городу пыльное облако – это Лиска с гиканьем летела на приземистом буром коньке во главе войска варваров, сама как истинная варварка – рыжая, лохматая, в блохастых пыльных мехах.

В этот момент на арене наступила пауза. Из казарм глади-

аторов послышался шум и крики – это началось восстание.

Сообразительная Роза кинулась к уставленному яствами столу, схватила нож и вонзила его в грудь императора.

Волна разрушения накатила на город. словно множество маленьких ножниц резали бумажную конструкцию. Творец вдохновенно рушил своё творение.

Только на арене было пусто. Я стояла в центре одна. Мушка, очнувшись, незаметно уползла и забилась куда-то в щель, как зимняя бабочка.

Сквозь скрежет, звон и крики сражения я слышала рёв льва.

Я открыла клетку. Полудохлый бедняга. Он, так же как и я, изнывал от жажды.

На площади у ратуши бил фонтан.

Я припала к прохладному ключу. Лев лакал окровавленную воду из фонтана.

Весь город лежал перед ним, как груда мяса на блюде.

Раньше нас было тринадцать. Теперь их двенадцать и я одна.

Однажды мы – восемь женщин и пятеро мужчин – заставили священнослужителей под страхом смерти обвенчать нас всех вместе во взятом штурмом храме.

Каждый из наших мужчин стал мужем восьми жёнам. Каждая из наших женщин стала женой пятерым мужьям. Мы

покаялись друг другу в вечной любви, братстве, равноправии, не думая о невозможности подобных клятв.

Теперь мы начинаем понимать, что наши сердца не могут вместить больше одной любви.

Андрей Звездочёт казался мне таким желанным. Глядя в его тёмносиние глаза, я шла к нему, как кролик к удаву. Но близость с Андреем не дала мне ничего, кроме боли в теле и тоски на сердце. Предпочитаю смотреть, как он занимается любовью с другими.

Мне нравился узор его мыслей. Но этого мало.

Андрею нравятся темноволосые. Из нас это Голубая Луна, Шаха и я. Голубая Луна огромна, Шаха худенькая, как подросток. Я – оптимальный вариант. Конечно, не в размере и цвете дело. Просто Звездочёт любит быть нежеланным. Его навязчивость раздражает меня всё больше и больше. Шаха обожает его и сходит с ума от ревности.

Белый Китай знается с дьяволом.

В любовных играх с Белым Китаем бесы, оседлав наши тела и души, носились по долинам и по взгорьям, вытрясая из нас последние силы. Он открывал мне тёмную сторону своей души. Его светлая сторона светит Мушке.

Милан Рысь – гопник и жлоб. Судьба била его нещадно, но не выбила весёлый нрав и беспредельную наглость.

Он обожает пышногрудых белокожих девочек. Его скользкая похоть разжигает во мне неутолимую жажду. Полусумасшедший беспризорник, он имеет надо мной власть. Меня это бесит. Милан болезненно сентиментален к Лиске. Он почитает Розу Моцарт, как божество. Та смеётся ему в глаза. Он отыгрывается на мне.

Игорь Зима, самый красивый из наших мужчин, любит Тоню Бирюзу, самую красивую из наших женщин. Она отвечает взаимностью и хранит ему верность, нарушая наш общий договор. Мы ей это прощаем. Тоня с Игорем похожи, как брат и сестра, особенно глазами – кристальной, морозной голубизной. Они состоявшаяся пара.

Никто не знает, что он тайком пробирается ночами ко мне. Игорь – прекрасный любовник. Его тело совершенно. Но за всё надо платить. Для чего я нужна ему? Утолив страсть, он рассказывает мне о войне. Ужасные воспоминания не дают ему покоя. Он рассказывает мне о том, как будучи солдатом, входя в захваченные вражеские города, насиловал и убивал женщин. Эти рассказы потрясают циничной жестокостью. Когда Игорь рассказывает, он смеётся, а я плачу от жалости к его изуродованной душе.

Из наших мужчин больше всех мне дорог Дорио. Мы читаем друг другу стихи – наши собственные и наших любимых поэтов. Придумав новую мелодию, он, в первую оче-

редь, проигрывает её мне. Он любит меня, как сестру. Его муза и страсть – незатейливая Лиска. Она отняла эту роль у меня.

Мне надоело, походя,
Предметом быть
Для прихоти
И похоти!

Чёрная река бурлит среди мокрых снегов. Я оделась по-теплее, бросила в лодку ворох шкур, мешок с едой и отчалила. Мой гнев бурлит, как тёмные воды, по которым я плыву вниз. Тело и душа горят. Стараюсь не думать о том, что оставила за спиной.

Так плыла я несколько дней, пока не успокоилась. Я с интересом смотрела вокруг, иногда провожаемая с берега глазами людей и зверей.

Я ловила рыбу. Сойдя на берег, варила похлёбку. Уложив несколько горячих камней в ворох шкур, я сладко спала на дне лодки под звёздами.

Запас еды подходил к концу.

Я решила остановиться на пару дней и поохотиться.

Я вошла в лес в надежде на удачную охоту и сама стала добычей – провалилась в устеленную ветками глубокую яму. Они появились сразу – здоровые, лохматые, рыжие. Кричат, добыче радуются. Язык непонятный. Набросили сеть, выво-

локли наверх. Разглядывают, удивляются. Один, самый видный, видимо главный, сказал что-то веско. Они опять загалдели, но как-то по-другому. «Изнасилуют и съедят». Нет. Привели в деревню.

В натопленной бане женщины меня раздели, стали обмывать, волосы расчёсывать, в косы заплетать. Сами тоже парятся. Некрасивые – мосластые, рябые, носы картошками, глазки маленькие с белёсыми ресницами. Песни поют. Знаки непонятные на теле рисуют. Надели на меня рубашку тканую, вышитую («Принесут в жертву своим богам»), потом привели в большую избу. Там стол накрыт. Тот мужик, что повиднее показался, во главе сидит и улыбается мне радушно. Кажется, я попала на собственную свадьбу.

Бок о бок с женихом встала я перед деревянным идолом.

Древний старец произнёс заклинание.

Нас осыпали зерном.

Было у меня пять мужей. Теперь шесть.

Пью медовуху из ковша. Хочется забыть моих любимых, мою семью.

Вокруг меня пели и пили незнакомые люди. Потом лохматые кряжистые фигуры стали неуклюже плясать. С пьяных глаз показалось, что пирую с медведями.

Я проснулась от симфонии храпа. Храпели все, даже дети.

Рядом лежал новый муж. Он так напился, что до супружеских объятий дело не дошло.

Я почувствовала себя, как дома. Растопила баньку. Попарилась. Потом основательно подкрепилась. Собрала с собой еды и покинула гостеприимных родственников.

К реке пробиралась осторожно, чтобы снова не угодить в ловушку. Отвязала лодку и погребла дальше.

Этот эпизод не оставил следа в сердце.

Тоска по моим двенадцати не отпускает.

Это прошлое. Чёрная река-судьба несёт меня среди талых снегов, как щепку.

Полоска воды во льдах сужается. Подули северные ветра.

Надежда греет сердце.

Вечерело. Небо стало ярко-красным. Издалека слышался зловещий галдеж ворон. Я плыла мимо поля сражения. Словно изваяния, застыли скованные морозом тела, сплетённые в последней схватке. Вот случай разжиться хорошим оружием, пока не стемнело. Не только жажда наживы привела меня на поле. Мне любопытно было заглянуть в лицо спящей смерти.

Побродив недолго среди мёртвых тел, я нашла то, что мне нужно, – Ледяного Ангела. Этот северный воин вмёрз в глыбу льда.

Вспомнилось детство, игра в клад: выкопать лунку, поло-

жить туда красивых лоскутков, цветов, бусин, накрыть стёклышком или слюдой, засыпать песком и разгрести в нём окошко.

Худощавый, небольшого роста. У него было чистое светлое лицо в обрамлении прямых белых волос. Прекрасная амуниция, лёгкий боевой топорик на поясе, обоюдоострый меч в сжатых руках. Отстегнув топорик, я легко вырубил воина из льда. Шлем, кольчуга как раз мне по размеру. Я всё любовалась его лицом.

Нужно было торопиться. Начинало темнеть. Вдруг он открыл глаза и тут же чмокнул губами в попытке поцелуя: «Ох какая Валькирия! Что ж так холодно в Вальхалле?!»

Я уложила Ледяного Ангела на щит и приволокла к привязанной у берега лодке, бережно укрыла шкурами.

Собранного оружия показалось мало. Я снова отправилась на поле. Когда вернулась, груженная оружием, лодки не было.

«Ледяной Ангел! Хорёк проклятый!»

Мародерскую добычу пришлось оставить. Я чертыхалась, бредя вдоль берега, проваливаясь и увязая в мокром снегу.

Лодка села на мель. Ледяной Ангел лежал без сил. Израненный в бою, он не мог грести дальше.

Наши ожесточённые взгляды встретились.

Взаимное желание убить сменилось другим страстным

желанием.

– Она вернулась, – Дорио тронул за плечо спящего Андрея. Стряхнув сон, Андрей вскочил на ноги.

Фаина спала у входа в шалаш в обнимку со светловолосым чужаком.

– Фаина! Что с тобой?! Кто с тобой?!

Фаина, проснувшись, скинула с себя обнимавшую руку.

– Это мой трофей.

– А почему у тебя железный ошейник на шее?

– Это так, дешевое украшение, подарок друга.

Так Ледяной Ангел вошёл демоном в рай тринадцати.

Его возненавидели все и с первого взгляда. Он был ужасный грязнуля и хам.

Его терпели, потому что любили Фаину. Единственный, кто высказывал недовольство вслух, – это, конечно, Милан Рысь. Сам был не лучше.

– Ледяной Ангел – мой трофей, – говорила Фаина.

– Кто чей трофей – это вопрос.

– Он со мной.

– Но не с нами.

Ледяной Ангел был сам по себе и ни в ком не нуждался.

– Кстати, его зовут Горноста́й. Он говорит, что ты была его служанкой, вытирала сопливые носы его детям, а жена его понукала тобой, как хотела.

– Кто её слушал, толстуху сварливую. Интересно было посмотреть, как живут эти северяне. Надоело – ушла. Он следом увязался.

– Прямо так и ушёл от жены, от детей?

– Жена сама отпустила. Он каждую ночь во сне меня звал.

– Любит, значит?

– А теперь во сне жену зовёт.

– Отпустишь?

– Кто его держит?

Инга называла мужа Горностаем. Они родились в один день, с детства были наречёнными. Любимая игра была – в семью.

Они были похожи, как близнецы: оба тонкие, светловолосые с синевой зимнего моря в глазах.

Первый ребёнок родился, когда им было четырнадцать.

Потом Горностай стал уходить на промысел – где работает, где нагребит.

Инга работала, не разгибаясь, чтобы дом и хозяйство в порядке держать. Ни минуты отдыха не знала, ела на ходу, спала урывками, чтобы, вернувшись, любимый муж мог отдохнуть в уюте, чтобы радовали его дети, здоровые и ухоженные. А о себе Инга забыла. Пропала краса. Загрубела, отяжелела она. Нежеланная стала. А он всё такой же красивый, лёгкий, гибкий. Словно она ему вторую молодость подарила – свою.

И вот пришёл, наконец, долгожданный, с подарками, лас-

ковый, слишком ласковый. Рабыню привёл – Красную Змейку. Как вошла она в дом, так словно под ногами красные чертята забегали. Тяжело на сердце стало.

Горностай говорит, что рабыню Фаиной зовут, но я её Красной Змейкой прозвала.

И перепало мне любви от мужа в этот раз, только не моя это любовь.

Негоже госпоже объедки за рабыней доедать.

Мы – тринадцать героев.

Мы создали легенду.

Поэтому власти нас простили.

Мы воины. Мы артисты.

В городе праздник. Мы открывали представление.

Мы въехали в город, каждый на своей колеснице, запряжённой шестёркой белых лошадей.

Мы долго тренировались перед представлением.

Мы изображали богов, соревнующихся в искусстве быстрой езды.

Нам давно приписывают божественное происхождение.

Многие о нас слышали, но не многие видели.

Толпа на площади выкрикивала наши имена, бросала цветы, напирала на охрану, стоящую цепью вдоль дороги.

Мы промчались с гиканьем, покрытые потом и пылью, одетые в белые туники.

Мы пронеслись, как знамёна.

У царского дворца нас встречали с музыкой.

Рабы принимали у нас поводья, отирали нас губками, смоченными розовой водой, протягивали кубки с прохладным лёгким вином.

На моей шее сегодня красуется символ рабства – железный ошейник, подаренный Горностаем.

– Всё хорошо, пока Горностай не появится, – говорит Игорь вполголоса.

– Давно его не видно. Может, не появится? – отвечает Мушка, опасливо поглядывая на меня.

– Как же! Эта белая крыса не упустит случая опозорить нас в очередной раз. То коней у кого-нибудь уведёт, то паруса снимет, – комментирует как бы самый честный Милан Рысь.

– Главное – не у нас, – вздыхает Дорио.

Пир с сильными мира сего – это танец на тонком льду.

Мы чувствуем на себе масляные взгляды сенаторов и знати.

Милость легко может смениться немилостью, честь – бесчестьем.

Наша защита – легенда о том, что мы храним друг другу

верность.

Как увязать с легендой появление среди нас Горностая?
Я знаю: он придёт сегодня. Я чувствую: он где-то рядом.

Музыка заиграла в ритме танца. Мы не стали утомлять гостей ожиданием. Мы вышли танцевать, как когда-то на рынке рабов.

Сначала мы танцевали без наших мужчин, потом к нам вышел Дорио, за ним – остальные.

Никто не верит в демократичность наших отношений.

Зрители пытались определить, кто кому отдаёт предпочтение.

Танец с Миланом увлёк меня, но в желании представить себя публике моим фаворитом он слишком распускал руки. Когда Милан перешел границы, я оборвала танец и вышла из залы.

У входа во дворец слышался шум потасовки. Какой-то тощий заросший оборванец пытался прорваться сквозь цепь охраны.

«Господи! Да это же Горностай! Что с ним стряслось?!»

– Горностай!

– Фаина!

– А худой! Одни кости! Как из могилы!

– В плену был, на галерах. Сбежал.

– Давай скорей отсюда. Хорошо, что никто не видел. Голодный?

– Как зверь!

Горноста́й крепко обнял меня...

– Думал: никогда живым не выберусь с этой галеры. Не знаю, как получилось? Рванул цепь, и она разорвалась. Проржавела, наверное. Мы все там сидели, прикованные одной цепью. Товарищи домой подались, а я вот к тебе сначала.

– А потом домой, конечно?

– Фаина! – Горноста́й посмотрел на меня умоляюще.

В людной, шумной, прокуренной таверне никто не обращал на нас внимания. Горноста́й жрал, как голодный тигр, а я смотрела на него с любовью. Этим и была сыта. Поэтому пила без закуски. Напрасно.

Я отключилась неожиданно.

Мне снился сияющий храм из неизвестного металла. Он стоял, как вонзённый в землю меч.

Чёрные мохнатые твари подбирались к храму, но их раз за разом отбрасывала силовая волна. Эти волны слабели, и чудовища подбирались всё ближе.

Они были сильные, но неуклюжие, как медведи. Их без труда поразили наши стрелы.

На полу храма лежали боги. Они были прекрасны.

Низвергнутые на землю, боги умирали. Один из них открыл помутившиеся страданием глаза. Он приподнялся и протянул ладонь, над которой висела маленькая светящаяся

сфера.

Я проснулась в какой-то каморке, на огромном горбатом тюфяке и с Горностаем на мне. Горностай храпел. Тюфяк тоже. У двери в каморку стояла огромная палица. Голова болела. Подняться не было сил.

Я растолкала Горностая.

– Что это под нами?

– Он всё равно спит. Нам же надо было где-то упасть?

– А вдруг проснётся?

– Знаешь, как мы с тобой орали? Не проснулся. Фаина, ты извини, но мне пора.

– Я тебя ненавижу.

– Я знаю. Куда я от тебя денусь?

Он нежно поцеловал меня на прощанье.

...Я прилетел в этот мир не по своей воле.

За тяжкие преступления перед разумными существами и духами я осуждён высшим советом быть вечным узником невидимой тюрьмы.

Раб не выбирает. Раб не имеет ничего своего.

В цепи моих перевоплощений приходилось вселяться в существ, подобных сосудам наполненным нечистотами, и находиться в них – было тяжкой пыткой.

Но наконец, судьба улыбнулась мне.

Я был отдан в дар людям, связанным между собой узами наречённого братства, супружества, дружбы и любви.

Мне предписано вселяться в каждого из них поочерёдно.

Эти тринадцать – восемь женщин и пятеро мужчин – странствуют по свету, оберегая друг друга, разделяя счастье и горе, находки и потери.

Их тела и души – прекрасные храмы, окуренные благоволениями, озарённые светом. Но вот среди них появился четырнадцатый, по прозвищу Горноста́й. Мне не предписано служить ему, но он мне нравится больше всех. Он дух свободы.

Светлые излучения прекрасных душ моих хозяев напитали меня настолько, что я способен теперь дать жизнь себе подобному и положить конец моему одиночеству. Мой детёныш не будет рабом. Он будет моим товарищем и вольным другом Горноста́я...

Снег на Горячих Сопках

Небо было ярко-синим в честь корриды.

Толпа взревела. Губернатор, одетый римским патрицием, объявил начало представления. Солдаты вскинули арбалеты, и на большом табло замелькали цифры – секунды нашей жизни.

Мы – семь пятнадцатилетних девочек – стоим на арене. Мы – живые мишени арбалетчиков. Наши прозрачные алые туники трепещут на ветру, как лепестки маков. Сейчас на арену выпустят разъяренного быка. Мы должны его убить за считанные минуты.

Мушка истерически рыдает. Шаха в оцепенении. На них надежды никакой. Этим эльфам-паутинкам на вид не больше тринадцати.

Обе мордовки, похожи, как сёстры. Только Мушка беленькая, синеглазая, а у Шахи волосы как смоль и глаза ярко-зелёные.

Лиска-белоруска и Феникс, беспризорницы-шалавы, ничего не боятся. Обе отмороженные. Обе жертвы группового изнасилования. Лиску брат-недоумок друзьям подарил, когда ей ещё девяти не было, а Феникс к ментам в общагу нелёгкая занесла. Блюстители закона влили в неё бутылку водки и проехали на ней всем скопом.

Лиска и Феникс сильные и мгновенно выполняют приказы, но не способны принимать решения.

Их слёзы превратились в масло. Их вина – красота. У Лиски кожа, как сливки, белая в веснушках, пшеничная грива, светло-серые с темной каймой глаза, длинные рыжие ресницы. Феникс – она как белая африканка и вся словно в золотой пыли: струящиеся русые волосы, лоснящаяся смуглая кожа, жёлто-зелёные глаза.

Наша главная сила – Голубая Луна, двухметровая дылда, исполненная королевской грации. Она настоящая принцесса-индианка: плащ иссиня-чёрных волос, такие же сине-чёрные раскосые глаза, благородные черты лица.

Наша стратегия, наша надежда – Тоня Бирюза и Роза Моцарт.

Тоня похожа на Алёнушку из народной сказки. Она гений. Постоянно выигрывала на разных олимпиадах для эрудитов. К тому же гимнастка, каратистка.

Роза Моцарт – белокурое дитя в стиле рококо. Тоже гений. Реакция молниеносная, как у змеи. С виду хрупкая фарфоровая куколка. Она железная. Она не чувствует боли. Почти.

Я, Фаина Рябина, – любимая игрушка губернатора. У меня под ногтем острая железная плата. Это серьёзное нарушение. Скрыть что бы то ни было от губернатора невозможно. «Плутовка», – сказал он ласково, отправляя на смерть.

И вот разъяренный зверь вырвался на арену. Мы, живые красные флажки, бросились врассыпную, и только Мушка стоит на месте, скуля от ужаса. Мгновение – и она, как тряпичная кукла, взлетает в воздух и падает, ударившись о борт арены.

На табло тают секунды жизни.

Тоня бежит впереди быка.

Мы бросились на него с обеих сторон в тот момент, когда он сшиб Тоню с ног. Она не успела подняться. Стрела арбалета пришила её к песку, как бабочку.

Мы навалились сколько есть силы, и я, быстро выдернув из-под ногтя железную плату, полоснула зверя по артерии. Фонтан крови ударил мне в лицо.

В тот момент, когда на табло загудел сигнал «время истекло», я с победным криком подняла над головой вырванное сердце быка.

Толпа снова взревела.

Губернатор довольно улыбался.

Мы оба знали, что это блеф.

Шкуру на шее быка полагалось разгрызть.

Мушка и Тоня медленно возвращались к жизни, с трудом

узнавая наши лица.

Мгновение смерти на первом уровне – это долгие годы в лесу хищных деревьев на втором уровне.

Мы – девочки-подростки. Так захотелось губернатору сейчас. Он превращал нас и в детей, и в старух, и в зверей.

Мы были русалками, кентаврами, крокодаврами.

Он наш творец.

* * *

Двух коней, коль хошь, продай, но Конька не отдавай,
На земле и под землёй он товарищ будет твой.

(«Конёк – Горбунок»)

Меня зовут Сонька. На вид мне шесть лет (это только на вид), мне всегда будет шесть лет. Я живу на Горячих Сопках. Я очень счастлива, потому что у меня есть Фаина. Она ещё не знает, что она у меня есть, но пока я рядом, с ней на Горячих Сопках ничего не случится.

Игорь был коренным москвичом. Он жил в престижном доме и никогда не приглашал Фаинку к себе. Когда родители прослышали о ней, то серьёзно всполошились. Не только Игорю, даже Фаинке стало смешно.

– Тебя называют невестой.

– Решил жениться?

– Пригрозил.

Семья аппаратчиков.

Игорь ненавидел эту структуру. Но структуру не сломаешь. Структуру можно перехитрить. Игорь не хотел оказаться в роли отщепенца. Он хотел удалиться под благовидным предлогом и жить в лесу среди диких зверей и диких людей.

Однажды в мареве жаркого майского дня он увидел своё будущее: блики костра среди влажной листвы, блестящие от пота чернокожие лица, фляжка виски, идущая по кругу, незнакомая гортанная речь, прерываемая взрывами хохота, и себя среди них, в поношенном хаки.

Вспомнилась фраза из старинной немецкой сказки «Принеси свечу через рощу». И в счастливом воспоминании о будущем он знал, что ему это удалось.

«Да, я шакал, но среди диких людей и зверей я стану человеком. А пока до этого далеко».

Игорю было девятнадцать. Хорошо сложенный, натренированный мальчик. Его чистая смуглая кожа ещё была покрыта детским пушком. Он смотрел на мир широко раскрытыми орехово-карими глазами. Каждый день был для него открытием. Он считал себя воином в лесу людей. Его ненасытная потенция не давала ему спокойно наслаждаться жизнью. Он наслаждался жизнью бешено. Фаина в его глазах была дикая женщина из дикого леса.

«С дикими людьми шутки плохи, но одно дело, когда я

среди диких людей, другое дело – когда дикие люди среди меня».

Фигуристая, рыженькая лимитчица считала себя секс-бомбой. Фаинка имела свои маленькие мечты о большой красивой жизни. Её девиз был: «Моё тело – моё оружие и моя валюта». Ничего лучшего она придумать не могла. Она наивно блефовала и убеждала себя, что выигрывает.

* * *

Игорь готовился к поступлению с лётную школу, и у него на это были все шансы. Он мечтал летать, куда захочется и куда подальше. Фаинке было двадцать два года. Она работала на заводе, на конвейере, и ни на что большее у неё шансов не было.

Знающие люди посоветовали: чтобы сдвинуться с мёртвой точки, нужно продать тело и душу.

– А можно что-нибудь одно? Только душу? – спросила Фаинка.

– Когда и то и другое – эффективнее, – ответили знающие люди.

– Что-то тело продавать не хочется. Всё равно много не дадут...

Знающие люди помогли ей разыскать чёрный рынок,

где можно хорошо загнать душу, но Фаину предупредили: «Осторожнее, могут кинуть». Чёрный рынок находился под прикрытием рынка по обмену жилплощади. В этом злачном месте к ней тут же подошёл один подозрительный тип, представился дьяволом и предложил подписать контракт на обмен души на всякие сверхъестественные качества, которые дадут возможность жить легко и красиво. У него уже был наготове бланк на продажу души и ручка, которую Фаина должна была заправить собственной кровью, чтобы подписать контракт. Она внимательно прочитала все пункты контракта.

– Минуточку! Здесь стоит, что я должна кого-нибудь убить, чтобы контракт вошёл в силу.

– За чем дело стало?

– А за что?

– Было бы за что! – И дьявол расхохотался чисто по-дьявольски.

– Не, я так не могу.

– Тогда загвоздка получается... – и вдруг его осенило: – Аборты делала? Тоже считается.

Фаина – девушка, живущая в экстремальных условиях, трахалась, как правило, на любых условиях со всевозможными последствиями.

– Я не лучше других.

– И не хуже. Подписывай.

Это я, Сонька. Ну, как же я брошу Фаину, эту дуру несчастную?! Она же без меня пропадёт. Тоже мне, совершила выгодную сделку! Продала душу без тела! Тело ведь продаётся вместе с душой, а заодно она продала и меня.

В один из первых жарких дней мая Игорь пригласил Фаинку к себе на дачу. Это нарушение субординации она восприняла с оптимизмом.

Фаина проснулась на чужой даче среди спящих чужих людей.

Ей приснилось, что к дачному домику подошло какое-то существо. Это существо было ей уже знакомо. Оно вошло в комнату прямо сквозь стену, коснулось её, сказало что-то шутливым тоном и ушло.

Фаина дрожала от ужаса после этого прикосновения. Она попыталась разбудить Игоря, но он спал как убитый. Его присутствие не только не успокаивало её, скорее, наоборот, он показался ей чужим и бесчувственным. К страху присоединилось острое чувство потери. Как будто в её жизни был кто-то – любимый и любящий, с которым сейчас стряслась беда. В комнате было душно и пыльно. Они заснули в одежде, которая теперь липла к телу от пота. Фаина встала, открыла входную дверь и остановилась на пороге – вокруг дома росли нарциссы. Когда они с Игорем ложились спать, цветы были ещё в бутонах. За несколько часов, пока они спали, нарциссы распустились. Белые с оранжевым и жёлтые, цветы

казались неестественно яркими в свете фонаря. Фаина решила пройтись к пруду и искупаться, но налипшую потную одежду ей захотелось снять немедленно. Она разделась и пошла к пруду голая через весь дачный посёлок, совершенно не беспокоясь, что её кто-нибудь может увидеть. Дорога была покрыта прохладной, тонкой, как пудра, пылью. Дул лёгкий ветер, и Фаина сама себе казалась лёгкой как ветер. Чувство тревоги не проходило, но она к нему как бы привыкла, при этом её стало разбирать отчаянное веселье. Фаина остановилась у кромки воды. Луна светила в полную силу. «А вот сейчас пойду по лунной дорожке и лягу на гладь, как пёрышко».

Вдруг ей показалось, что это вовсе не пруд, а какое-то знакомое болотистое место. За кочками виднеется избушка с горящим окном. Там кто-то родной ждёт её.

Она бросилась в воду, сделала несколько рывков на глубину и пошла ко дну.

Она не умела плавать.

Это я, Сонька. Тогда мне в первый и последний раз стало страшно – сидеть в ней как в камере, на стенах которой близнецы, мои братья, нацарапали свои предсмертные пожелания последующим обречённым. Нет, больше здесь никто сидеть не будет.

Я плохо представляла себе эту жизнь взрослых, я малень-

кая и, спасибо Фаине, останусь такой навсегда.

Я плохо рисую, но моё любимое занятие – взять листок бумаги и рисовать её лицо в разных ракурсах. Вся моя комната заклеена этими рисунками, но ни разу она не получилась у меня такой, какой бы мне хотелось.

Теперь недолго ждать. Завтра её переводят с серных копей на Горячие Сопки.

Мы – семья. Только никто, кроме меня, об этом не знает. Вчера я отыграла Фаину в кости у близнецов. Я блефовала, я не могла рисковать. Представляю – попала бы она к этим придуркам бешеным. Мстители.

Конечно, они умеют драться. Я ими горжусь. Просто так они от Фаины не отступятся. Она им должна.

Вчера на закате небо было мутно-красным, а ветер сухим и порывистым. Я знала, что сегодня выпадет снег в честь её прибытия.

Мы сидели у костра и жарили ящериц.

Скоро мы будем вместе.

Полупустой грузовой лифт пополз вверх. Груз – люди, вместительность – пятьсот душ. Фаина смотрела через грязное стекло на пласты земли и торчащие корни. Даже скрежет ржавых канатов казался ей сейчас приветливым: «Навстречу жизни наверху». Непривычная лёгкость и прохлада.

В этом же лифте она ехала вниз, казалось, целую вечность

назад...

Тогда лифт был забит до отказа. Все чувствовали нарастающую тяжесть и жаркое дыхание чёрной толщи, которая медленно вбирала в себя осуждённых.

Наконец, грязный ржавый «гроб» остановился.

Массивные двери раздвинулись, и Фаина закрыла глаза, чтобы не ослепнуть от яркого сияния.

Яркое сияние было всего лишь снегом, падающим крупными хлопьями. Прибывших встречали в обыденной суете. Несколько человек поступило в частное пользование. Им приказали отойти к стене и ждать. Остальные выстроились в колонну и ушли в сопровождении охранников. К Фаине подошла чумазая девчонка лет шести, одетая как беспризорница.

– Меня зовут Сонька. Ты моя. Пошли, – угрюмо сказала она, вложив Фаине в руку метку принадлежности.

Метка впилась в ладонь и обожгла её, во рту появился странно знакомый привкус эфира.

– Меня Фаина зовут.

– Знаю.

От земли поднимался горячий пар, и снежные хлопья таили на лету. Они шли по дороге, по сторонам которой как столбы стояли высокие иссохшие тополя. Дорога казалась бесконечной, но этот безрадостный пейзаж чем-то очень нравился Фаине. Она остановилась посередине дороги и под-

ставила лицо падающим хлопьям.

– Ты почему плачешь? – спросила Сонька.

Фаина улыбнулась сквозь слёзы:

– Такое странное чувство: как будто всё это уже со мной было, и ты была.

Сонька посмотрела искоса из-под спутанных кудрей и иронично улыбнулась:

– Правда?

– Правда. Такое лицо знакомое! Где я тебя видела?

– Да в зеркале!

– Давно в зеркало не смотрелась. У тебя нет случайно?

– Мне оно ни к чему. Я в нём не отражаюсь.

– Куда мы идём?

– Домой.

Они свернули с дороги на еле заметную тропинку среди болот. Из чёрной воды торчали, как снопы, пучки сухой травы. На высоких кочках всё ещё лежали мокрые шапки снега. Сначала Фаине показалось, что солнце светит, хотя она знала: здесь солнца не бывает. Над болотом висело мерцающее сияние – мириады светящихся насекомых.

– Вот и пришли.

Сонька указала на виднеющуюся из-за кочек крышу старой избушки. На крыше росла высокая трава и маленькое тонкое деревце. Это деревце напоминало Фаине Соньку.

– Не знаю, кто здесь раньше жил. Я нашла домик и привела его в порядок.

– И это ты называешь «порядок»!

Коллекция проржавевшего оружия, собранная Сонькой на болотах, впечатления не произвела. Практические идеи об использовании остовов снарядов в качестве мебели Фаине тоже не понравились.

– Кто тут хозяин в конце концов! – возмутилась Сонька.

Свои рисунки с изображением Фаины Сонька предварительно сняла со стен и спрятала.

– Тебе надо отдохнуть. Завтра у нас важный день.

– Что за важный день?

– Пойдёшь на работу.

– Что за работа?

– Увидишь.

Фаина послушно легла на лежанку, повернулась лицом к стене и закрыла глаза. «Какое завтра? Какая работа? Только не поддаваться панике и принимать всё как есть».

«Неужели я спала? Ещё не разучилась?» – Фаина открыла глаза.

На ящике из-под снарядов лежали белые колготки.

– Фаина, сделай мне хвост, – умытая Сонька в нарядном платье уселась перед ней и протянула расчёску, – а потом я тебя причешу, накручу тебе волосы, накрашу глаза и губы, потом ты наденешь красивое платье и туфли, и мы поедем устраивать тебя на работу.

– На чём поедем?

– У меня есть тачка и личный шофёр, – с гордостью ответила Сонька.

– Только можно я сама себя причешу и накрашу?

– Нет, нельзя.

Давай никогда не ссориться,

Никогда, никогда,

Давай ещё раз помиримся

Навсегда, навсегда... —

Сонька тихо напевала, касаясь лёгкими движениями волос Фаины. Последний штрих – среди завитых локонов маленькая косичка с вплетённой шёлковой ленточкой.

– Всё! Готова! Пошли!

Сонька и Фаина, наряженные, как две куклы – большая и маленькая, вышли из хибары.

– А вон гараж.

Среди высокой травы виднелась ветхая крыша землянки. Рядом стояла рассохшаяся телега.

Сонька пнула дверь ногой. Из землянки вышел рыжий косматый мужик, отряхивая с себя солому, следом за ним выполз тёмно-зелёный ящер величиной с коня. Ящер медленно расправил перепончатые крылья и показал зубастую пасть.

– Хороший, хороший, – Сонька погладила его по бугристой холке. – Мой Пегас! А это Жорик. Запрягай, и поедем.

Мужик стал надевать сбрую на дракона.

«Кто из них страшнее? – подумала Фаина, глядя на мужика с драконом. – Они что, спят вместе?»

– Нет, – Сонька, как маленькая хозяйка, пригласила Фаину заглянуть внутрь землянки. Оттуда пахло серой и какой-то кислятиной. В углу охапка соломы – постель Жорика, пол по наклонной уходил в земляной туннель. – Пегас спит внизу, у Серного озера. Только свистнешь – и он здесь. Ну, всё готово. Поехали.

– А пешком идти далеко? – спросила Фаина.

– Пешком как раз ближе, только нарядными по болотам... Ладно, на цыпочках пройдем. Значит, не понравилась моя тачка с шофёром?

– Если интересуется моё мнение – нет.

Сонька шла впереди, Фаина ступала чётко след в след по еле заметной тропинке, как ей было сказано. Хорошо, что не пришлось ехать на драконе с Жориком.

– Ты должна быть в хорошем настроении когда идёшь на работу устраиваться, – сказала Сонька.

Наверху Жорик был крутой, на машине Берии ездил, порностудию имел, одну из самых первых в Москве, знал кучу баб. Я его как-то спросила, может, он и тебя знал. Он сказал, что с драными лимитчицами дела не имел. У него на студии всё студентки университета да профессорские дочери работали. А за хамские комментарии о твоей особе Жорик

на серные копи отправился на две недели – с тех пор молчит.

Фаина с любопытством смотрела по сторонам. Далекое не каждый мог так свободно гулять по Сопкам. Никто толком не знал, что тут за жизнь «на воле». Без проводника и двух шагов не сделаешь. Она слышала о вольных поселенцах и беглецах, о разных ловушках, о диковинной природе Сопок.

– Вот сейчас смотри в оба и не отставай.

Тропинка пересекала луг, застеленный полосами тумана. В тумане виднелись деревья, вокруг которых бродили, как сонные, какие-то странные фигуры. Соблазнительный запах спелых яблок Фаина учуяла ещё издали.

– Даже не думай, это одна из ловушек – райские яблочки. Жрочка на воле скудная. А тут всегда, пожалуйста, можно полакомиться. Отведаешь – забудешь кто ты и зачем. А кто попробовал, от яблони уже не отходит. Беглецы, поселенцы – кто по незнанию, а кто от голода озверел. Их раз в полгода патруль собирает и вниз на серные копи навечно – они всё равно уже ничего не чувствуют.

Они шли дальше. Вдоль тропинки росли неяркие лесные цветы. Облака светящихся мошек пускали солнечные зайчики. «И как будто всё нормально, вот гуляю себе в лесу с дочкой», – подумала Фаина.

Почва под ногами становилась всё влажнее. Их следы наполнялись водой.

– Почти пришли. Осторожно! Туфли грязью не забрызгай, – Сонька критически осмотрела Фаину.

Перед ними открылся живописный пейзаж – гладь пруда, окружённого серебристыми ивами. Небо, подсвеченное закатом из серных копей, казалось закатным. Они ступили на настил из досок, который переходил в хлипкие мостки, ведущие к странной плавучей конструкции на середине пруда.

– Это что за амбар на понтоне? – спросили Фаина.

– Это контора. Топай вперёд, – командным тоном буркнула Сонька.

Тяжёлая деревянная дверь открылась сама. Внутри, на середине тёмного водного пространства, стоял письменный стол конторского типа. За ним сидел симпатичный худощавый мужчина средних лет. Тонкие тёмно-русые волосы забраны в хвостик, широкий лоб мыслителя, лукавая улыбка на тонких губах напоминала знакомую с детства улыбку вождя:

– Ну, здравствуй Фаина! Подойди поближе.

Фаина посмотрела вниз на снующие у поверхности стайки мальков, надвигающиеся в темной глубине спины подводных чудовищ. Глубина была бесконечной, словно память о том, как, устав барахтаться, она, раскинув руки, канула во мрак.

Фаина обернулась к Соньке, поймала в её глазах мольбу и страх, которые тут же сменились волевым напряжением: «Иди!»

Фаина ступила на чёрную гладь. Стекланный пол над омутом был покрыт тонким слоем воды.

Игорь сидел в зарослях и фотографировал тигра. В этот момент зазвонил его мобильник. Тигр наострил уши и деловито пошёл на Игоря. Звонила, конечно, любимая жена. «И здесь она меня вычислила» – была его последняя мысль.

* * *

Бобики с замотанными головами что есть силы дули в трубы торжественный марш. День дружеской встречи проходил раз в год.

Санёк, по собственному выражению, укрывался в преисподней от уплаты алиментов. Они с Игорем были партнёрами по карточной игре и хорошими товарищами.

Их лагерный срок давно закончился. Они оба работали как вольнонаёмные, успешно скрывали свою дружбу.

Дружба на Сопках не поощрялась.

Игорь и Санёк были в карточном шулерстве, хорошо на этом имели и по меркам лагерной жизни ни в чём себе не отказывали.

– Слышь, – сказал Санёк, – сегодня в партии погонят бывших любовниц губернатора. Перемена состава – там будет на что посмотреть.

Губернатор кидал своих бывших любовниц в толпу заключённых, как объедки со стола.

Ворота раскрылись, и женская партия вошла в мужской лагерь.

Ряды серых телогреек раздвинулись, и в открывшемся пространстве тяжело ступали на разбитых высоких каблуках три женщины. Их роскошные длинные гривы развевались, как трофейные знамёна. Чёрная шёлковая грива зеленоглазой мордовки Шахи, пшеничные локоны Лиски Феалы и рыжее огненное облако волос Фаины. Платье Шахи было сплетено из живых змей. Платье Феалы сделано из клоков паутины, кишашей пауками. Платье Фаины, сшитое из лоскутов сырого мяса, было усыпано копошащимися личинками. На одинаково белой холёной коже бывших любовниц были отчётливо видны укусы и язвы.

Дежурные по лагерю ходили между заключёнными и собирали деньги с желающих принять участие в оргии. Деньги на это развлечение были только у вольнонаёмных, которым везло в карточной игре.

Остальные обматывали лицо тряпками, чтобы не биться в судорогах от острого желания.

Три женщины были надушены дьявольскими духами. От этого запаха мужчины сходили с ума.

Игорь в числе привилегированных по-хозяйски рассматривал товар.

Фаина, проходя, подняла на него свои чёрные, без зрачков, глаза, и он узнал её.

Сонька бежала, продираясь через толпу и, прижав к губам амулет – связанный проволочками, крысиный скелетик, – молилась своим придуманным детским богам.

– Санёк, одолжи денег, – Игорь выглядел серьёзным, как никогда.

– Сколько?

– Всё, что есть.

– Ага.

– Хочу выйти на вольное поселение и выкупить женщину – ту, рыжую.

– Меня в своё время из психушки выгнали за то, что я был очень безумным, но мне до тебя далеко! Там же пустота. Озвереешь от голода, вернёшься максимум через две недели!

– Так дашь или не дашь?

– Да бери! Что б я тебя больше не видел, – засмеялся Санёк.

Фаина так устала после марша, что сразу заснула на нарах в обнимку с Сонькой.

Та успела рассказать, что её выкупил какой-то мужик.

– Жить будешь у меня в избушке.

– А ты?

– Не единственная точка.

Фаина не проснулась, когда принесли Шаху и Лиску Фе-

алу.

Конвой разбудил Фаину ранним утром. Соньки не было. Опять кто-то гонит её куда-то.

Она шла с Игорем по знакомой тропинке, можно сказать, к себе домой. Оба молчали.

Они сидели за столом в белых рубашках. На столе двухдневный запас провианта.

Фаина робко посмотрела на Игоря:

– Я тебя не помню. Дай мне время.

Его первая мысль: «Какого чёрта! – а потом заметил себе:

– Тону в роскоши высоких отношений».

Фаина, вздрогнув, открыла глаза.

Знакомый мелодичный звон бубенцов на шеях драконов губернатора.

Он плавно приземлился перед избушкой.

Распахнутая настежь дверь.

Его широкая улыбка.

Ну, начинается!

«Привет, молодожёны!»

Конечно, он не мог допустить, чтобы она голодала. Днём она будет во дворце, ночью с Игорем. На то он и губернатор. Разве он пропустит возможность поиграть?

Она возвращалась по вечерам с корзиной, полной объедков деликатесов.

Игорь ждал её весь день, изнывая от желания и голода.

Он чуял её приближение издалека. Запах дьявольских духов разжигал в нём острую слепую похоть. Они жрали объедки и предавались изошрённому, безликому сексу.

Так продолжалось каждый день.

Иногда в порыве диких игр, им хотелось убить друг друга.

Губернатор видит и чувствует всё, что заключённые ощущают на территории зоны. Заключённые – это живые телевизоры.

Однажды, наигравшись, усталые и опустошенные они прочитали друг у друга в глазах одну мысль – о побеге.

Сонька, поднявшись на цыпочки в зарослях сухой травы, смотрела на свет в окнах своей избушки, теребя рябиновые бусы на шее.

Жора поглаживал дракона, чтобы тот стоял спокойно.

– Забыла тебя твоя Фаина.

– Не забыла. И ты не забывай. Уже схлопотал однажды за комментарий.

Сонька наблюдала за движениями теней внутри избушки и тревожно улыбалась.

Она рассказала Фаине о ловушках в пограничной зоне.

Фаина с Игорем обмотались, как две мумии. Над погра-

ничной зоной висел густым облаком гнус. Пересечь эту территорию нужно как можно быстрее. Меньше шансов, что засекут. Территория разбита на квадраты ловушек. Они срабатывают через одну. Если бежать рядом, можно успеть вытащить друг друга.

– Ну всё, поехали.

Они бросились бежать со всех ног.

Ловушки – зыбучие пески, болотные окна, осыпи – начались так плавно, что выбраться, протянув друг другу руку, не составляло особого труда.

Облака гнуса складывались то в пейзажи, то в контур дворца, то в портрет губернатора. Больше всего они страдали от жары.

– Сколько ещё бежать? – Фаина чувствовала, что выбивается из сил. – Где кончается зона?

– Я не знаю.

– Всё! Я снимаю эти тряпки!

– Тебя гнус зажрёт.

Фаина на бегу разматывала тряпьё.

Игорь попытался её остановить и вдруг заметил, что гнус пропал, остался позади.

Они пересекли границу.

* * *

Акции резко упали.

Один отчаявшийся брокер замкнул на себе весь центр города.

В этот момент Рей занимался любовью с неизвестной девицей в туалете любимого бара.

Свет погас.

И тут зазвонил его мобильник.

Рука дрогнула.

Он нажал не на ту кнопку.

Голос Манны залил горячей лавой чистоту мрака.

Самые грязные ругательства. Она всегда чувствовала, когда он с кем-то трахается.

Что-то замкнулось в нём на секунду.

В следующее мгновение он открыл глаза и рванулся наружу.

Мрак и тишина царили везде.

Рей был слишком пьян.

Мелькнул огонёк такси.

Он сказал адрес и тут же заснул на заднем сиденье.

Он проснулся, чувствуя, что подъезжает.

Темнота продолжалась.

И ещё странный спёртый запах в машине.

Несмотря на тьму, Рей увидел засохший плевок на стекле.

Он огляделся – похоже, эта машина простояла на улице без присмотра лет двадцать.

Машина притормозила у подъезда. Рей достал бумажник.
– Вали отсюда, – хрипло сказал водитель, повернув к Рею обезображенное ожогом лицо.

Что-то не так.

Вот балкон его квартиры. Он был почти полностью разрушен. Сквозь него пророс большой тополь. Рей поднял глаза.

Все стёкла в окнах дома были выбиты.

Пока он стоял и размышлял, подошёл патруль.

Огненные существа в дымящихся робах ткнули его стволами в спину.

Он всегда был трусом и сразу пошёл на их условия.

Пожизненные серные рудники ему совсем не улыбались.

Гениальный программист Рей Эллис занял привилегированную должность – он моделировал ловушки по всей пограничной зоне.

Губернатор провоцировал заключённых на побег. Это было его любимым развлечением.

Бежали в одиночку или группами, преодолевая поначалу несложные препятствия. Лёгкие ловушки вселяли веру в избавление.

Но главная ловушка была в конце пути. Гё никто не мог преодолеть.

Рей мог наблюдать за беглецами по спутнику, видеть надежду и отчаяние на их лицах и ничем не мог помочь. Он был их палачом.

Он часто думал о Манне. Почему он не мог спокойно жить? Почему его все время мотало по разным помойкам?

Там кто-то снимал его скрытой камерой. Кто – его не волновало. Потом он видел себя на сайте с разными женщинами.

Он любил Манну. Почему он методично убивал свою любовь?

Он знал, что Игорь и Фаина готовят побег.

Он слышал историю их любви.

И вот он увидел их на экране, бегущих к главной ловушке.

Рей дернул два провода и замкнул систему на себе.

Искусственное дыхание, массаж сердца, разряд электричества – и сердце Рея снова заработало.

«Никто не удивился бы, если бы я умер от сердечного приступа на случайной шлюхе в туалете любимого бара».

Он вылез из такси. Во всех окнах его дома горел свет. За дверью заплаканное лицо Манны.

Он крепко прижал её к себе.

– Ты не представляешь, где я был!

– Когда ты перестанешь врать?!

Лампы ровно гудели, испуская мутирующее излучение на ячейки инкубатора, заполненные спасёнными личинками. «Благодетели»-миссионеры поставляли личинок из леса в оккупированной зоне.

«Эти существа рождаются военными навигаторами».

Их начинали тренировать с трёх лет. Целые дни проходили в тренировках. Им внушали, что они избраны для выполнения высшей миссии.

Они – спасатели-камикадзе.

У всех ребят были одинаковые насечки на спине.

Джо поднялся и тихо прокрался между рядами коек в душевую. Он стоял под душем и думал о Ребекке. В тот день, когда им обоим исполнится двадцать лет, они встретятся и вместе поведут спасательную капсулу в оккупированную зону. Он чувствовал, когда она думает о нём по ночам. Курсантов не выпускали ни в город, ни в другие отсеки, и всё-таки нелегальная связь с внешним миром управлению не подавалась. Неделию назад, когда он с ребятами курил у барака, вдруг неожиданно появился старшой – огромный, серокожий мутант. Он знаком приказал Джо следовать за ним. Ребята проводили его напряжёнными взглядами: «Не закладывай, чего бы ни стоило».

Они остановились у стены.

– Проглоти это, – старшой протянул Джо маленькую бутылочку янтарного цвета.

Ничего не оставалось делать, как зажмуриться и проглотить.

– А теперь смотри. Видишь?

Джо увидел, как стена постепенно стала прозрачной. За стеной стояла Ребекка. Она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась. Значит, она существует не только в его воображении. Старшой похлопал его по плечу и пошёл прочь.

Джо мог разглядеть лицо Ребекки сквозь мутноватую клейкую жидкость, он узнавал, он знал это лицо, когда оно ещё не стало лицом, когда оно ещё только формировалось, как и его собственное. Он открыл глаза раньше неё. Она долго спала. Он уже начал беспокоиться. Потом она медленно раскрыла глаза и, казалось, единственное, что ей хотелось, увидеть в этой жизни, – лицо Джо. В их жилах текла одна кровь. Они – два зародыша, висели в сфере яйца, связанные одной пуповиной, как в паутине, пронизанные невидимыми сосудами. Ребекка и Джо были на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Они смотрели друг на друга, не отрываясь, и в желании коснуться друг друга учились двигаться.

Джо не знал, от чего он устаёт больше – от реальности или от своих снов.

Тем, кто видит в темноте, не бывает темно. Пришло время – Джо и Ребекка вылупились из яйца, как тысячи других пар эльфов в ночном лесу. Они, наконец, увидели мир за пределами скорлупы.

Малыши-близнецы разорвали связывавшую их пуповину. Их крылья ещё не просохли. Они могли только бежать. Инстинкт указывал путь. Они бежали через лес к вулкану. Маленькие эльфы выросли на ходу. Их запах притягивал лесных тварей – ящериц, крыс, сов. Немногим удалось добежать до вулкана, чтобы броситься в его кипящее жерло. Крепко обнявшись в этом прыжке, они, наконец, расправляли обсохшие крылья, и поднимались вверх уже взрослыми, слившись в страсти. Они занимались любовью в полёте, чтобы сделать свою кладку личинок и дать жизнь тысячам других эльфов. Тем, кто видит в темноте, не бывает темно.

* * *

Ребекка лежала среди нежно колышущихся цветов. Их сладкие капли падали ей на губы. Одурманенная, она почти спала, казалось, что это пальцы Джо трогают её.

Сигнал прошёл по корневищам хищных растений. Целый отряд более крупных разновидностей уже полз к ней.

Никто не мог понять, как Ребекке удалось ускользнуть из

лагеря.

Только Джо мог найти её. Пары эльфов-близнецов были едины в своих чувствах.

Он получил противоядие, но, если хищный цветок поглотит Ребекку, Джо умрёт.

Сопровождаемый двумя контрольными роботами-камерами, он нёсся на воздушном сёрфинге к лесной поляне, где лежала Ребекка.

И вот она – среди цветов.

Он склонился к ней. Она потянулась к нему, как дурманящий ядовитый цветок, обвила его руками, страстно впилась в его губы, и они тут же сплелись.

Они не слышали оглушительных сигналов роботов.

Они ничего не чувствовали, кроме близости друг друга.

Спасательный вертолёт подоспел в последнюю минуту, когда они занимались любовью, а над ними склонился огромный хищный цветок.

* * *

Небо было красным. Редкие крупные хлопья снега падали и таяли, не долетая до земли.

Близнецы сидели у костра.

– Сонька отпустила Фаину.

– Назло!

– Не заводись без повода. Скучно, что ли? Сегодня поможем Даннику долг получить, завтра охота.

– Да, охота. Можно передать весточку мамочке.

– Никуда она не денется, наша мамочка. Сонька обещала.

Небо было белым, майским, никаким.

Четыре утра. Сергей Добычин, геолог-романтик средних лет, обычно довольный собой, был в то утро собой недоволен по неизвестной ему причине. Его одолевала маета. Он не мог заснуть. Курил. Читал. Смотрел телевизор.

Ему всё слышалось железное поскрипывание, как будто на детской площадке кто-то раскручивал карусель.

Сергей много раз выглядывал в окно.

Детская площадка была пуста.

В доме стояла тишина. Все спали.

Сергей ещё раз закурил, любуясь из окна видом на три церкви: «Небо, не поймёшь – то ли пасмурно, то ли просто не время рассвета. Эх, хочется солнышка».

И опять послышался железный скрип. Сергей заметил, как карусель на площадке качнулась, но большего ему увидеть было не дано.

Отмахнувшись от наваждения, он пошёл спать.

На детской площадке на карусели сидела компания. Семь подростков – три девочки и четыре мальчика – были одеты почти одинаково: потёртые кожаные куртки в железных заклёпках, на спинах пятиконечные звёзды, кожаные брюки

на шнуровках, тяжёлые ботинки на толстых подошвах. Головы подростков были наполовину выбриты. Остатки волос выкрашены в красный. На лицах лежал яркий макияж.

Их пальцы были унизаны железными перстнями с изображениями страдальческих лиц. На этих металлических лицах были следы крови.

Ребята слегка раскачивали карусель. Вместе с ними на карусели сидела женщина средних лет. Она сидела, скорчившись, кутаясь в забрызганный кровью, светлый плащ, одетый на голое тело. Ещё лицо было так сильно разбито, что казалось просто кровоточащим куском мяса.

– Ну что, мамусик Данькин, сейчас мы вас с папой поженим, – сказал один из близнецов.

– Что он тебе тогда сказал, – спросил Даня женщину.

Она всхлипнула. Разбитые губы не слушались.

– Он перекрестил меня и сказал: «Я благословляю тебя на аборт».

– Ну, пора.

Близнецы вошли в подъезд, поднялись на пятый этаж, прошли сквозь дверь квартиры, где Сергей Добычин мирно спал на диване. В пепельнице тлел окурочок.

– Какую дешёвку курит.

– Экономный.

– Это он из экономии Данику путёвку в смерть выписал.

Один из близнецов бросил тлевший окурочок на ковёр.

Игорь проснулся в узком дощатом коридоре с низким потолком. Пахло свежеструганным деревом и остывшей баней. У стенки, свернувшись калачиком, сидела женщина в забрызганном кровью плаще. Своё лицо она прятала за борт воротника.

– Это что ещё за шутки?!!

Но перевести драму в шутку на этот раз не удалось.

Зена была жрицей материнства.

Единственной пищей для спасённых малышей было её молоко, единственным одеялом – её волосы.

Дети были для Зены маленькими божествами.

Много раз кидалась она в зловонные красные воды мёртвого озера, когда гейзер начинал выплёвывать фонтаны крови и сгустки зародышей. Вода вокруг гейзера вскипала от борьбы за добычу – хищные рыбы и змеи пожирали зародышей на месте. Демоны, русалки и эльфы вживляли зародышей в себя.

Демоны, выносив и родив, пожирали. Эльфы и русалки, давая зародышам жизнь, открывали себе вход в иное измерение.

Таких, как Зена, было немного. Их миссия была – спасти как можно больше.

Всякий раз, израненная и вымотанная схваткой, она уносила в себе зародыш, чтобы выносить, родить и, когда окрепнет, отправить в нейтральную зону. Если повезёт.

Маленькие божества шли, пригнувшись, по земляному туннелю. Самому старшему было пять лет. Их лица и руки были с любовью расписаны причудливыми светящимися узорами. Зена шла последней. Под ногами хлюпала вода. Впереди ручной дракон рыл туннель. Нарастающая жара и тяжёлый запах говорили о том, что они недалеко от серного озера. Все устали. Наконец обрушился большой пласт земли, и перед ними открылась пещера, в центре которой сквозь туман испарений светилась красным пятном серная полынья. Дракон тут же бросился к полынье и стал жадно лакать булькающую жидкость.

С самого начала пути было много ловушек и перебоев со связью, и вдруг в эти последние дни всё разом прекратилось. Было такое впечатление, что их давно определили, просто теперь ждут появления спасательной группы.

И вот замигала связь.

«Это наш шанс».

Группа подростков из «огненного города» ждала сигнала начала охоты. Сонькины братья-близнецы были среди них.

Они очень гордились ролью ловчих.

Лучше быть солдатами на службе государства, чем бездомными проститутками.

На обнажённых телах солдат серебрилась защитная краска. На поясе каждого магнитный ремень, в руках – гибкая пластина воздушного сёрфинга.

Вот прозвучал сигнал.

Над бетонной оградой пограничной школы взметнулось галдящее облако птиц.

Каждый боец бросился плашмя на свою пластину, и они понеслись через лес как летучие ртутные змейки.

Мечта сбылась: Джо и Ребекка были снова вместе, и теперь им больше не придётся расставаться. Встав рядом у пульта управления капсулой, они начали свой полёт.

Каждый диск управлялся парой близнецов-эльфов.

Только один диск был спасательной капсулой.

Остальные диски прикрывали и брали огонь на себя.

Ангары раскрылись.

Серебряные диски рассекли воздух и исчезли в лесной массе. За ними следом нёсся огненный хвост ракет, пущенных охраной оккупированной зоны.

Навигаторы на воздушных платах вели к поляне, где приземлилась спасательная капсула.

– Сейчас мы их возьмём! Приготовились! – скомандовал командир группы.

В том месте, где садилась капсула, жрица материнства со своими щенками выходила на поверхность. Если спугнуть, то они снова уйдут подземными ходами.

Солдаты остановились на миг, управляемые по заданной программе. Мутация прошла по их телам. И вот они неслись через лес лоснящимися огненными псами.

Дракон летел по туннелю, как снаряд. Дети бежали следом

со всех ног. Огненные псы тут же взяли их след и неслись над туннелем к месту посадки капсулы.

Клубок пламени вырвался из туннеля, отбросив псов назад. Дети ринулись к капсуле.

Двери открылись. Приняв в себя груз, капсула взмыла в небо. В этот момент её настиг миссл. Раздался взрыв. И надежды Зены пролились огненным дождём над лесом.

* * *

– Зена, мы тебя помним и уважаем.

Близнецы помнили её как часть иной жизни, которая со-
рвалась, как их собственная эвакуация.

Зена дралась с огненными собаками, крича своим детё-
нышам:

– Бегите! Бегите что есть сил!!!

Близнецы, взяв друг друга за руку, поклялись никогда не
расставаться.

Они, ещё совсем маленькие, бежали через лес. Их глаза
слезились от непривычного дневного света. Им хотелось вер-
нуться и помочь Зене, но они подчинились её воле.

Им удалось какое-то время продержаться в лесу. Это бы-
ло счастливое время. Защищаясь от всевозможных лесных
тварей, они дрались спиной к спине, как эльфы. Их чувства
были едины. Их связывала и грела взаимная любовь. Обере-
гая друг друга, они стали искусными воинами и охотниками.

– Я слышал: некоторые пары эльфов рождаются однополыми.

– Нам просто обрезали крылья.

Потом братья, как и многие дети-беглецы, попали в облаву.

Огненный город изменил их природу.

* * *

Часовые заметили двух солдат, сопровождавших раненую женщину к выходу из зоны.

Депортация жрицы материнства.

– Прощай, Зена, – сказали близнецы.

В нейтральной зоне жили беглецы и миссионеры.

Те, кто разыскивал и ждал родных и близких из зоны, жили лагерем у входа. Они встречали вновь прибывших, показывали фотографии, спрашивали: «Не встречали?», «Не видели?», «Не слышали?».

– У меня в зоне осталась дочка Соня. Вы не слышали о ней? – спросила жрицу Фаина.

– Слышала. Эти двое ребят – вы разве не знаете, кто они?

– Знаю, – тихо ответила Фаина.

– Просили вам передать. – И она плюнула Фаине в лицо.

Файне с Игорем отвели свободный барак.

В день их свадьбы выпал настоящий снег.

Небо было тёмным и пасмурным. Файна вдыхала давно забытый свежий запах снега.

Поверх белого платья – телогрейка, на ногах – валенки.

Те, кто помогли им устроиться, накрыли стол под брезентовым навесом.

Треск костра, запах жареного мяса, знакомая с давних времён музыка.

Снег тихо падал крупными хлопьями.

Открытое поле было перечерчено рвом. За ним начиналась зона.

Человек мог легко перешагнуть эту границу, а демона, шагнувшего за грань, тут же охватывало пламя.

Было застолье, потом танцы.

Тихая беседа гостей.

Файна собирала грязные тарелки.

Темнело.

Там, в открытом поле, у самой границы стояла маленькая знакомая фигурка.

Дрожащая от холода Сонька куталась в дырявую шаль.

– Сонька!

Фаина быстро собрала со стола, что осталось.

Игорь увидел Фаину, бегущую к границе, и бросился следом.

Он перехватил ее, когда она протягивала через ров свёрток с едой.

Сонька, в отчаянии тянувшая к ней руки, сама шагнула через ров, и объятый пламенем демон явил своё настоящее лицо.

Свист крыльев. Дракон, управляемый Жорой, лишь слегка опалил себе крылья.

Жора ухватил край пылающей шали своей хозяйки и, обжигая руки, рывком толкнул её обратно за линию.

За гранью Сонька снова обрела обличье ребёнка.

Жора сбивал с неё огонь, а она рвалась обратно, протягивая руки, кричала: «Фаина! Моя Фаина!» По вспузырившимся щекам текли слёзы. Жора завернул её в рогожу, усадил на дракона, и они полетели прочь.

Игорь устал от бессонных ночей.

Фаина поднималась, как лунатик, и шла к границе.

В этот раз он проснулся и понял, что опоздал.

Выбежав из барака, он увидел, как Фаина пересекла гра-

ницу.

По ту сторону ждала Сонька.

Лифт шахты открылся. Фаина и Сонька сели на пол. Рядом играли в кости близнецы. Ребята были при параде по этому случаю – прилизанные, свежевыкрашенные волосы, лучшее оружие. Лифт был полупустой. В углу несколько заключённых из новых. Один из них, бородатый мужик, толкнул соседа в плечо и кивнул в сторону Фаины. Они вместе двинулись к ней. Близнецы навели на них оружие и заставили попятиться.

Лифт постепенно пустел.

На нижнем этаже включилась холодильная установка.

Сонька ввела чип в плату принадлежности на ладони Фаины.

Двери лифта открылись.

Раскалённый жар сдул с них брентную плоть. Четыре пылающих силуэта вошли в огненный мир. Земля трескалась и заливалась ручьями лавы.

Они шли по огнеупорному мосту. Мимо проплывали, мигая огнями, корабли из жидкого металла. Впереди под нимбом света виднелся силуэт города.

Свет в лампе дрогнул и зажётся во всю свою ослепительную силу. Петухи пропели подъём. Работники вышли из барака, на ходу надевая защитные зелёные очки. Каждый получил свой наряд – кто на скотный двор, кто в поле, кто в сад. Начальство (избранные) – агроном, ветеринар и бухгалтер – ушло в конторку.

Фаина, хозяйка фермы, села на балконе под зонтиком со стаканом мартини. Стройные ножки в белых шортиках выставила на свет. Пусть загорают.

Когда она проснулась, на табло была информация: беглец в зоне. Анфас и в профиль – Генрих. Мягкая линия серебристых волос до плеч. Он поседел после аварии, когда его практически перерубило пополам. Другой бы, если не умер, то не встал бы с инвалидного кресла, а этот полностью восстановился и ещё потом играл в теннис и танцевал лучше всех. Даже на зоне, где все были в одном возрасте, при нём осталась эта седина. Он был похож на губернатора. Многие шутили по этому поводу. Такой же высокий, худошавый, жилистый. Такие же тонкие, благородные черты лица. Только у губернатора тёмно-русые волосы и рыжие глаза.

Зелёные глаза Генриха почему-то всегда казались ей голубыми, как тонкий лёд над водой.

С балкона открывался вид на ферму, где всё цвело, коло-силось и поросилось, а дальше – совершенно безжизненное пространство, покрытое красной пылью.

Ждать пришлось недолго. На горизонте поднялся столб пыли. Два работника, возившиеся у ворот с трактором, тоже это заметили.

– Смотри! Вон, пилит прямо к нам. Слышал по радио?

– Сейчас подставит весь колхоз.

– А может, с ним поговорить, типа, мил человек... Может, она не увидит.

– Ты, что ли, хозяин? Вот тупой! И что она в тебе нашла! А куда ему?! Он наш брат.

Губернаторский грузовик сдох в ста метрах от ворот. Генрих вылез из кабины, пнул колымагу ногой и захромал к воротам. Фаина вышла на крыльцо и знаком приказала от-крыть.

– Стакан воды холодной, душ и один мартини.

– Времени у тебя хватит только на мартини, – ответила Фаина.

Вдали послышался звук вертолѐта.

Генрих со стаканом сел в тени зонтика.

– Что с ногой?

– Не страшно. Ловушки. Сама знаешь.

– Одному бежать бесполезно.

– Я не хочу с кем-то. Ты же знаешь – я сам по себе. Гово-рили: и вдвоём бесполезно, но тебе с Игорем удалось. Я гнал

сюда, чтобы спросить: зачем ты вернулась?

– Потому что здесь моё место. И вообще, не твоё дело. Вертолёт завис над фермой и стал медленно опускаться.

– Я пойду их встречать.

Фаина сидела в кабинете у губернатора.

– Он что, в изоляторе сидел? Он у тебя на балконе мартини лакал! – орал губернатор.

– Я просто оставила его в доме и пошла вас встречать. Не знаю, куда он забрался. Всё равно никуда не денется.

Губернатор взял её за подбородок:

– Хватает у тебя смелости так нагло врать. Я подарил тебе эту ферму, как коробку конфет.

– Я не люблю сладкого.

– Рассказывай себе! Я собрал всех твоих мужиков в одну коробку.

– Мне на них наплевать.

– Когда-то было не наплевать.

– Что ты с ним сделал?

– Ничего я с ним не делал. Сидит у тебя под зонтиком, лакает мартини и трясётся от страха. Думаешь, он такой герой? Я тебе его дарю. Лучше играй с ним и думай обо мне, чем наоборот. Только не забывай, что я ревнивый.

Он охватил ладонью её лицо. Из его пальцев приснули тонкие корни, которые поползли в уши, ноздри, рот. Корни стали оплетать её изнутри и снаружи.

– Расслабься.

На её коже выступила едкая слизь, от которой расплзлась вся одежда и хлопьями стекла к ногам. Корни сплелись в узел у солнечного сплетения. Узел набух и выстрелил ядом во все сосуды.

– Это не яд. Это лекарство. Сейчас будет хорошо. Ну, вот и всё. Стала краше прежнего. Можешь идти в душ.

Фаина стояла под душем, смывая слизь и омертвевшие корни.

– И запомни, моя маленькая плантаторша, никакой самостоятельности, а то опущу и тебя, и твоих рабов на уровень ноль.

«На уровень ноль так на уровень ноль. Не была я там что ли?» – мысленно огрызнулась Фаина. Она слышала, как хлопнула дверь, потом кто-то сладко заскулил.

Фаина вышла из душа. На полу сидел щенок Сербороса.

– Какая прелесть!

– Это тебе ещё одна игрушка. Я знаю, ты давно хотела.

Фаина взяла щенка на руки. Он прильнул к её тёплому телу. Две его головы легли ей на плечи и тут же уснули, третья, высунув язык, с любопытством склонила голову набок.

Губернатор стоял у окна наблюдал, как Фаина, прикрывая наготу телом щенка, садится в машину.

«Я отбил у них охоту к побегам. Последний беглец слишком рано понял, что проиграл. Это было неинтересно. Беглецы нужны, как зонды в блокаде. Что же будет в этот раз?»

Фаина подъезжала к воротам, придерживая спящего щен-

ка. Ещё издалека она увидела Генриха, который по-хозяйски расселся на крыльце.

– Какой на тебе забавный бодис, – прозвучал в сознании его тихий голос.

Ещё при первой встрече она поразилась его дару.

– Таких, как ты, один на тысячу.

– Пробуй дальше. Почему не на миллион?

– Он слышит, что мы думаем.

– А ты думай шёпотом.

Лесной народ

Бегуцим в лесу, убежавшим с весёлого праздника вечной весны,

Им больше не снятся уже никакие волшебные сны.

Бегуцим в лесу – в лихорадке, по слякоти весенние игры не впрок,

Но им не под силу запомнить жестокий урок.

Весна наступает. Она своих узников видит везде,

Бегущих с весёлого праздника в лесу, в темноте.

В понедельник встретила подругу с животом на девятом месяце и с повязками на перерезанных венах.

– Активно живёшь.

– А тебе слабо?

А во вторник я сидела у стойки бара в отчаянной тоске. Бар был полупустой или, можно сказать, совсем пустой, если не считать нескольких вымотанных деловых людей, занятых профессиональным разговором.

Какая-то тень мелькнула у входа и прямой наводкой пошла ко мне. Иногда хочется сказать пару слов в тишине. Этот – Тень – не глупый, не страшный, ищущий, готовый к действию и совсем пустой, как большинство. А мне нужна любовь. Я начинаю стареть. Это моё проклятье.

– Томас.

– Белладонна. Как ядовитая трава.

После ряда наводящих вопросов Тень делает вывод:

– У вас было консервативное воспитание.

– Ах, если бы! Если кто понравится, снимаюсь без разговоров, только это бывает так редко!

– Леди, у меня больше нет вопросов.

И тут на заднем плане появился знакомый силуэт – Патрик, мой шоколадный зайчик, мой секс-символ, смесь кокаина и виагры. И начинал, как обычно, клеиться к бабам.

Год назад мы встретились в одном из ночных клубов, и я подумала: «А ты, парень, случайно, не такой же оборотень, как я?» Он заглянул мне в глаза с голодной ущемлённостью, словно он меня знает или пытается вспомнить, – один из его трюков. В нём нет ничего святого. В каком бы клубе он ни появлялся, охрана комментировала одинаково: «Он тут всех перетрахал». А я чем хуже? Потом, в течение года, я долго наблюдала за ним. В «Тигре», да и в других подобных местах.

Он был везде, этот король ночной жизни большого города... Он танцевал со мной, у нас были общие знакомые, были разговоры вскользь, но когда я однажды спросила: «Пом-

нишь меня?» – в ответ был удивлённый взгляд, потом в его глазах включился мегасписок...

– И как было?

– Лучше не бывало.

– А потом? Нормально? Не хамил?

– Был как ангел!

Он польщёно рассмеялся и сказал: «Не может быть». Мне нравилось смотреть, как он двигается в плотной массе людей, как он лавирует. Мне нравилось смотреть, как он дерётся с такими же, как сам, хулиганами по ночным кабакам. Мне нравилось слушать, как он ведёт разговор: легко, интересно, весело. Это был мой шанс, и я попыталась растянуть романс подольше, как наслаждение сексом, но в конце концов приходит оргазм и затягивать с этим нельзя, иначе я устану, потеряю интерес, упущу мой шанс.

Я бы не расставалась с ним никогда. Он мог бы изменить мою природу (нужно верить и надеяться, что это возможно), только всё это самообман, повод для новой игры. Он подошёл на роль, глупый донжуан. И я знала: достаточно будет одной моей вспышки – и он окажется в лесу. Не он первый. В лесу нужны люди, и не я одна, кто их туда отсылает. Там он станет героем.

Я пыталась представить, что мы можем быть другими, что мы можем быть вместе по-настоящему.

Я пыталась представить себе, каким он будет через тридцать лет: грузным, похожим на медведя, – и казалось, что я буду любить этого медведя ещё сильнее, чем таким, каким он навсегда остался в моей памяти – сидящим с полным бокалом в руке, в полурасстёгнутой белой рубашке, улыбающимся, как кинозвезда.

Это случилось второго октября, когда мы праздновали его двадцатипятилетие. В этот день он был особенно красивым. Мы танцевали, пили шампанское, веселились.

Он был немножко пьяный и просто вышел покурить, когда проходящий мимо сутенёр предложил ему свежий товар.

Земля поехала из-под ног, как эскалатор, когда я увидела его с этой девчонкой... Я стояла на балконе в тени, он не мог меня видеть. Он медленно опустился на ступеньку, словно потерял равновесие, так он был очарован. А она – полуребёнок, готовая к самому страшному, смотрела с удивлённым восхищением на своего первого героя. Он гладил её голые смуглые ноги и что-то шептал ей, зная, что она не понимает его слов, потом привлёк её к себе и стал осторожно целовать живот сквозь тонкое платье. Меня он всегда брал грубо, как девку, которой заплатил. И вот он стоит на коленях перед продажной девкой и ласкает её так нежно, словно она из инея. На этого извращённого подонка накатила романтика, и надо же такой беде случиться – прямо у меня на глазах. Он

сел с ней в проходящее такси. Вся эта сцена прошла перед глазами, как в замедленном кадре. Адреналин ярости разливался во мне горячими волнами. Наконец, я чувствую, что живу, пока у меня есть пистолет с барабаном, полным пуль. Довод «Убьёшь – сядешь. Станет легче?» я слышала много раз, на меня он не действует. У меня всё не как у людей, и люди не знают, с кем имеют дело. Такое положение вещей – мой билет в будущее. А для него неважно, заниматься любовью или действовать на нервы – главное, вызвать взрыв. Как раз то, что мне нужно. Всё это и вообще, и конкретно с ним не первый раз, зато последний. И всё одно и то же.

– Ты нас разбудила, – раздался в трубке томный голос любимой подруги.

– Негров мало, что ли? – присоединился к ней голос Патрика.

– Ты для меня не негр. Ты для меня человек.

Всего пару часов назад он сидел напротив меня и говорил красивые слова о своей любви. Похоже, он верил в то, что говорил. Что бы я только ни отдала за то, чтобы это было правдой, – душу бы дьяволу продала, но, к сожалению, давно продана.

Я могла открыть дверь своим ключом, но нажала на кнопку звонка. Мне хотелось поиграть. Ему тоже. Он открыл, издевательски улыбаясь, во всей своей обнажённой красе – ещё один кадр навеки в памяти: ладное мускулистое тело, шёлко-

вая шоколадная кожа. Дуло моего пистолета между его иссиня-чёрных раскосых глаз. Его реакция была молниеносной: он захлопнул дверь в тот же момент, когда я выстрелила. Я палила в дверь как бешеная, пока чёртова дверь не рухнула, и тут возникла проблема – патроны кончились. Была ещё одна проблема – у него тоже был пистолет, только с барабанным, полным патронов. Девчонка прошмыгнула, держа свои шмотки в охапке. Патрик поставил меня к стене и стал палить.

– Вернёмся в «Тигр» или пойдём куда-нибудь ещё? – спросил он, нарисовав точечный нимб у меня над головой. – Я продолжаю справлять мой день рождения. Прощу оказать мне честь. Считаю, что мы помирились, – он приставил дуло пистолета к моему виску. – Сегодня мне всё прощается. Скажи, что не сердишься.

– Не сержусь.

– Я одеваюсь, и мы идём.

В пистолете оставалась всего одна пуля. Он положил его в карман куртки. Где мы только не были в этот вечер! Непонятно, как он вёл машину и почему нас никто не останавливал. Куда-то я не хотела идти, и он уходил один, оставив меня в машине, куда-то он не хотел меня брать. Он был совсем пьяный и давно забыл о своём пистолете. Я проснулась в машине оттого, что он смотрел на меня. Я открыла глаза и чуть не заплакала от счастья, что он всё ещё со мной.

– Девочка моя, я так тебя люблю.

И тогда я выстрелила.

Патрик очнулся в полном мраке. Он лежал на мокрой траве, слышал, как падает дождь и шелестят листья. Тропический лес был полон звуков. Он осторожно сел, чувствуя, что плохо владеет телом: непривычная слабость и как будто он стал меньше. Он ощущал себя ребёнком лет четырёх-пяти. Какое-то животное подкрадывалось к нему – слышался приближающийся шорох и рычание, пружинистый звук прыжка. Скользящая холодная тварь обрушилась на него всей массой и впиалась зубами. Потом свист летящей стрелы. Тварь завизжала и ослабила хватку. Топот ног. И вдруг Патрик увидел кромку леса на фоне неба, силуэт человека, который склонился над ним, приложил к ране листок растения – и боль тут же прошла. Патрик поднялся на ноги и пошёл вслед за незнакомцем по тропе среди огромных папоротников. Глаза привыкли к темноте, которая за этот короткий момент стала просто днём без солнца.

В лесу не было дня, не было ночи и смены сезонов. Патрик мог судить о течении времени, только глядя, как меняется его собственное тело. Он очнулся в лесу ребёнком, со временем стал взрослым – значит, прошли годы. Но и этот часовой механизм со временем останавливался: дойдя до оп-

тимальной точки развития, тело больше не менялось. Лесные люди не старели. Они погибали в бою, в схватках с дикими тварями или умирали от ран. Это случалось нередко, но группа пополнялась новыми людьми, которые так же, как и Патрик, однажды очнулись в лесу, слабо помня прошлое. Лесные люди были единственными смертными существами в мире без солнца. Их группа была инородным элементом в природе леса, в котором, казалось, всё было против них. Десантники-миссионеры из нейтральной зоны снабжали лесных людей капсулами жизни, которые заменяли еду и питьё. Каждый партизан носил эти капсулы на нитке, как ожерелье вокруг шеи. Не считая ящериц и личинок насекомых, больше в лесу кормиться было нечем. Других материальных ценностей в их жизни не было, но жизнь была богата чувствами: они не только могли видеть в темноте, они могли слышать малейшие звуки, чувствовать малейшие вибрации, самые слабые излучения тепла и холода. Они передвигались по лесу легко и бесшумно, слышали и отвечали на мысли друг друга на дальних расстояниях. Вслух никто не разговаривал – лишний звук мог стоить жизни не только потому, что лес был полон тварей. В лесу шла война, и лесной народ был важнейшим звеном в движении сопротивления. Они никогда не спали, никогда не уставали, но были моменты, когда они нуждались в поддержке друг друга, когда по всему лесу распространялись импульсы, приводящие всё живое в оцепенение, когда над лесом зависал «дирижабль» – огром-

ная светло-зелёная тварь, похожая на личинку. «Дирижабль» медленно, как облако, опускался в лес, и тогда нужно было держаться вместе. Тварь распространяла запахи и звуки, притягивающие всё живое, как пылесос. Она пожирала всё подряд и исчезала, как и появлялась.

Несмотря на то, что Патрик знал и слышал об этой твари, всякий раз, когда она появлялась, он представлял её себе огромной ожившей мраморной статуей прекрасной богини, мечтал увидеть её лицо, даже если ему придётся заплатить за это жизнью, – такова цена за любовь богов. Он понимал, что это всего лишь галлюцинация, которую вызывали пьянящие испарения твари, но ничего не мог с собой поделать.

Время играло, когда «дирижабль» висел над лесом. К кому бы из боевых подруг ни толкал его инстинкт, в момент озарения глубоким чувством они оба становились идеалом в глазах друг друга. За пару минут они проживали десятилетия совместной жизни, становясь с каждым днём всё ближе друг другу. Поэтому момент пробуждения был всегда драматичен – отчаянный крик в разгар страсти: «Почему ты вдруг стал чужим?!»

Отшатнувшись от человека, который только что был самым близким на свете, Патрик всегда испытывал чувство вины, хотя знал, что это так у всех и со всеми. Это просто «дирижабль» уплыл.

Белый рассвет пробивался в его полужакрытые глаза. В лучах рассвета склонились над ним три ангела в белом. Патрик раскрыл глаза пошире. Крылья у ангелов растаяли. Всё остальное осталось.

– Ну, мужик! Лоб у тебя чугунный! Надо же – живой! След от пули, как кастовая метка у индуса, – сказал один из хирургов. – Считай, с того света вернулся.

– И долго я был в отъезде?

– Вчера уехал, сегодня вернулся.

– Так быстро?!

– А тебе там что, понравилось?

Он ещё долго ходил перебинтованный, как герой сражений. Появились провалы в памяти. В один из этих провалов угодил последний день рождения.

Повышенное внимание к себе он объяснял расовыми предрассудками.

– Ты что, расистка?

– А ты что, Патрик?

Смазливая дамочка пересела к нему поближе. Они ехали в трамвае по старому городу, обозревая живописный пейзаж в нежной дымке майской зелени.

– Попьём кофе где-нибудь? – как будто она его сто лет знает.

– А потом?

– А потом – что хочешь.

– Мне врачи рекомендовали с этим подождать.

– У меня есть для тебя лекарство.

Они сидели на террасе. На столике стояли две чашки.

– Я этот кофе пить не буду. Что ты туда всыпала? Отравить меня хочешь?

– Да, попей со мной кофейку, и я оплачу твои похороны. Ну, с какой стати?! Я хочу, чтобы ты всё вспомнил. Хотя я тебя, наверное, опять потеряю. Я хочу знать, что там за жизнь – в лесу.

Он попытался сосредоточиться. Кто-то вышел из тёмного туннеля его памяти.

– Постой! Да это же ты! Ты говорила, что любишь меня.

Делла иронически улыбнулась:

– Тебя все любят.

Убогая

Села я на подоконник, ноги свесив.

Он тогда спросил тихонько:

– Кто здесь?

– Это я пришла.

– Зачем?

– Сама не знаю.

– Время позднее, дитя, а ты не спишь.

– Я луну увидела на небе,

Я луну увидела и луч.

Упирался он в твоё окошко,

Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя называли Данишлом?

Всё мне снится, что тебя терзают львы!

Цветаева

Там, далеко вверху, загорались первые бледные звёзды, а внизу, над самой землёй, сквозь последние алые лоскутки ещё пробивались жёлтые лучи.

Далеко в степи виден огонёк моего костра. Я сижу, просевшая сквозь ладони седые пряди дыма. И так я могу сидеть днями, неделями. Кто я? Упавшая звезда? Низвергнутый ангел?

Я – никто...

Я изгнана за гордыню, за ярость в сердце и за посмеяние над любовью.

Я утратила способность летать, но высоко надо мной парит моя душа, как зрачок молнии, и я вижу, как на все четыре стороны простирается степь. Когда одолевает голод, я хватаю молниеносным движением пробегающих мимо полевых мышей и ящериц. Мне всё равно что есть, если меня лишили плодов райских садов.

Не влечёт меня и мрак лесов, и зловонная грязь городов. Когда идёт дождь или мокрый снег, я блуждаю в степи. А потом опять горит мой костёр среди снегов, или цветущих маков, или пожухлых трав.

Влечёт путников мой огонёк: паломники, купцы, воины, в одиночку или караванами, процессиями, стройным маршем, подходят они, садятся рядом у костра.

Я ни с кем не разговариваю. Моя одежда давно превратилась в рубище. Мои волосы спутались в клубок шерсти. Моя кожа покрыта слоем пыли и пепла. В их глазах я немая юрдивая девчонка. Кто-то, уходя, делится со мной куском хлеба, а если кто пытается посягнуть на меня, тогда полыхну я своим огнём, и горстку праха развеет ветер.

Так провожу я дни, которым давно утратила счёт. Сижу без движения или бесцельно скитаюсь. И только бессонная душа надо мной мечется, как птица над разорённым гнездом.

Я почувствовала его приближение задолго до того, как на горизонте появилась эта движущаяся точка. Какая-то непонятная радость стала подниматься во мне.

Вскоре я услышала приближающиеся шаги. Его силуэт на фоне заходящего солнца.

– Позволь мне присесть у твоего костра?

Я даже не взглянула. Мне не надо смотреть, чтобы видеть. Он сел или почти свалился рядом без сил. Он шёл уже несколько дней куда глаза глядят. Отсечённая любовь была ещё тепла. С его щёк дождь ещё не смыл слёзы любимой. Его тело ещё хранило её запах.

Учёный монах, он был в свите, сопровождавшей молодую княжескую дочь к её престарелому знатному жениху. Княжна была его ученицей с детских лет. Их дружба и привязанность переросла во взаимную любовь, в которой они не смели признаться ни себе, ни друг другу.

Накануне прибытия во дворец жениха процессия заночевала в лесу.

И там, ускользнув от охраны, они наконец объяснились и провели ночь в объятиях друг друга.

Но княжеская дочь не решилась отправиться в скитания с любимым, а он не пожелал сделаться тайным возлюбленным при дворе госпожи и жить в грехе.

– Похорони меня, – сказал он в последнем проблеске сознания.

Я видела, как светлое марево души висело над ним.

Это был удивительный свет. Я не могла отпустить его. Я слишком долго была одна.

Я подняла огненный глаз моей души как можно выше и в лесу, на краю степи, увидела заброшенную избушку. Туда отправилась я, взвалив на плечи мою почти бездыханную ношу.

Я омыла его тело в лесном ручье и положила в целебный мох. Лёжа рядом с ним, я согревала его своим теплом и смотрела его сны. Мудрое, строгое лицо его учителя, морщинистая рука листающая летопись. Юная красавица в дорогих одеждах улыбалась в проёме резного окна.

– Даниил, Даниил! – звала она.

Я поила его отваром из сонных трав, смешав его с диким мёдом и соком лесных ягод.

Он стал узнавать моё лицо в своих снах.

Я любовалась им, я радовалась ему.

Он, лежащий у горящего очага, казался мне счастливым и спокойным. Я погружала лицо в его ауру. Я ежедневно испытывала соблазн выпить эту ауру. Но тогда изменилась бы моя природа.

Упав однажды к моим ногам, он оказался в моей власти. Пора отпустить его, иначе он умрёт. Пора его будить.

Я смотрела на своё отражение в ручье, смыв с себя пыль и копоть. Обрезав огненным лучом спутанные волосы, я стала похожа на отрока.

Зайдя по пояс в ручей, я ловила рыбу.

Но рыбной похлёбкой его на ноги не поставишь. Нужно тёплое молоко и тёплая кровь.

Духи леса были благосклонны к нам. Они оказали гостеприимство: открыли силу целебных трав и были готовы принести жертву в удачной охоте.

Но мне не было позволено охотиться в лесу с моим оружием – огнём. Дичь нужно было выгонять на поляну.

Во мраке сквозь спутанные ветки светили два огонька – на меня смотрели два горящих глаза. Я шла навстречу этому взгляду. Одинокая волчица. Её друг погиб на охоте, и ей предстояло в одиночестве родить своих волчат.

Инстинкт привёл нас друг к другу.

Только зверю я и могла открыться. Человек бы испугался или бросился бы на меня с оружием.

Мы охотились вместе и по-братски делили добычу, а когда рождались волчата, она делилась своим молоком. Но его было слишком мало.

Ночные цветы благоухали. Поляна, где росли сонные травы, светилась от скопления светлячков. Лесные духи в ту ночь были особенно благосклонны.

Я отчётливо чуюла запах незнакомых мне ещё приворотных трав. Этот запах будил звериное желание ласки.

– Свари любовное зелье, пей его вместе с ним, и ты узнаешь бездонную сладость разделённой страсти. Зачатых с ним детей ты будешь приносить нам в жертву. У тебя будет сколько угодно молока и сколько захочешь дичи в счастливой охоте, – шептали мне духи.

– Нет. Ни за что! – ответила я, и духи отвернулись от меня.

Лес похолодел. Ветки цеплялись, как лапы огромных пауков, корни деревьев скользили, словно змеи под ногами. Я торопилась, как могла, но еле добралась до избушки, чтобы забрать Даниила и поскорей покинуть лес.

Вот я снова в открытой степи у костра. На лице спящего Даниила блики пламени. Он так красив – тонкие черты лица, гармоничное тело. Безучастный, неподвижный. Словно нас постигла одна участь. Словно мы из одних и тех же мест.

Я видела много людей, проходящих мимо, измождённых нищетой или изъеденных пороком излишества, покалеченных в сражениях. Почему так редко встречается в этом мире красота?

Скоро и эта отрада для глаз моих потухнет, если я не разбужу его.

Злую шутку сыграли со мной лесные духи.

Я достала тлеющий уголь из костра и вложила в его ладонь, крепко прижав своей ладонью.

– Бедная убогая! Не знаешь, что творишь! – вскрикнул Даниил.

Он думал, что задремал на минуту.

Шёл проливной дождь, и, чтобы укрыться, нам пришлось зайти в лес.

Мы соорудили навес, развели костёр.

Даниил не спрашивал о моём огне, но постоянно задавал вопрос:

– Почему ты боишься леса?

– Не боюсь. Не люблю. Неба не видно, – ответила я.

– Что-то всё-таки видно.

– Мне мало.

Ему не объяснить.

Он считал меня ребёнком, своей ученицей. Он верил, что Создатель сидит на проплывающем облаке и что, если построить очень высокое здание, можно шагнуть в небо. Мне нравился его голос. Не важно, что он говорил. Я слушала, и моя душа успокаивалась. Столько бесконечного времени душа моя металась в бессоннице, и вот неотвратимо надвигается сон, с которым я отчаянно и бесполезно борюсь. Ведь мой сон продлится долгие годы, и когда я проснусь, Даниила, наверное, уже не будет в живых. Моя душа опускалась всё ниже. Я ждала её в руке, как тот уголёк, жар которого когда-то разбудил Даниила и вернул мне речь. Я ждала этот горящий глаз молнии и снова отпустила: «Охраняй Даниила!»

Я увидела будущее: сначала Даниил испугался, что я умерла, потом он понял. Он нашёл каменный грот, положил меня туда и заложил вход камнями. Он остался со мной.

И вот я проснулась, встала на ноги, взгляделась во мрак, увидела слабый свет сквозь кладку камней. Одним ударом я пробила проход в стене и вышла наружу. Там горели свечи и стояли горшки с цветами, большинство из которых опрокинулось и разбилось под рассыпанной стеной. Я почувствовала знакомое тепло и быстро пошла ему навстречу по коридорам бревенчатого здания, распахнула тяжёлую дверь кельи. Даниил, древний старец, сидел за столом над книгой.

Весь монастырь вышел провожать нас в странствие.

– Как они теперь будут? – бормотал про себя Даниил.

Все они верили, что это место охраняет неведомая сила.

Только Даниил знал, что это.

– Мне недолго осталось, – продолжал он.

– Глупый, это только начало пути.

Тёплое летнее утро. Ветер треплет соцветия кашек. Детская рука касается другой детской руки. Мальчик и девочка, оба одетые в белые полотняные рубахи, лежат в траве. Летним снегом летят над их лицами былинки одуванчиков.

Дети не похожи друг на друга: она смуглая, зеленоглазая, он русоволосый, бледный, сероглазый, но на их лицах оди-

наковое выражение уверенности и покоя. Они слушают еле уловимую музыку цветов. Эта музыка переливается радужной аурой, то поднимается высоко в небо, то стелется по земле. Но вот эту музыку заглушает нарастающий топот конницы. Всадники хлещут коней и разжигают свою ярость диким гиканьем.

Вскоре раздаётся звон колокола в городском соборе и в небо поднимается чёрный дым.

Девочка и мальчик поднимаются и, взявшись за руки, идут в направлении города.

Из раскрытых настежь городских ворот валит чёрный дым. Дети входят туда, как в пасть с вырванным языком. Они идут в самую гущу сражения, в гущу крика, плача, скрежета металла. Там, где они проходят, люди падают без сил и пламя гаснет. Оставив за собой тишину, дети покидают город. Они идут дальше.

Сказка заброшенного дома

Большой песчаный кит живёт в бухте возле моего дома. Было время – закидывала буря в его пасть пиратские корабли.

Мачты этих кораблей пустили корни и проросли сосновым лесом на спине кита. И как тряхнёт этот лес порыв ветра, так зазвенит в зелёных парусах: «Йо-хо-хо и бутылка рома!»

Ранняя осень. Ещё сохранилась зелень в жёлто-красной седине листьев. Кокетливо проглядывает сквозь ворсинки мха оранжевая бахрома лисичек.

Намеренно громко шуршу листьями. Здесь полно змей. Самая опасная из них – змея времени – наступишь ей на хвост и канешь в другое время. Её следы здесь повсюду – электрические провода памяти, покрытые травой тропы, по которым ходят лишь призраки. В восточном пригороде Стокгольма часто встречаются покинутые жилища: дома, хутора, подворья или целые деревни, поглощённые лесом.

Чёрные остовы из полусгнивших досок, как забытые суда на причалах в бухтах времени. Еле заметные в траве, каменные квадраты фундаментов усыпаны летом земляникой, осенью – маслятами. Заросшие опушки полыхают пионами,

удивляют медовыми плодами статных яблонь.

Там иногда встречается как послесловие оседлой жизни покорёженный вагончик – приют бездомных.

Покинутый господский дом окружал разросшийся малинник. Люди, почему-то обходили его, хотя аллея к дому манила вглубь россыпью земляники летом и блеском коричневых шляпок боровиков осенью.

Не то что бы я польстилась на рассыпанные приманки. Видно, наступила на хвост змеи времени, и она укусила меня.

Я вышла к дому на закате. Продралась сквозь малиновые кусты.

В доме-призраке не было дверей, и крыша над залой провалилась. Сколько ему лет? Двести, а то и больше. Все пространство вокруг увито плющом... Балкон, как капитанский мостик с видом на пруд.

Там, наверное, был медный морской колокол, в который звонили, когда был готов обед, чтобы слышали те, кто удил рыбу в пруду неподалёку. Вокруг дома полукруглая стена из булыжников – как крепость, и сложенная из камней пристройка – видимо, винный погреб.

Внутри дома птичьи гнёзда, покрытая густой пылью рас-

трескавшаяся мебель.

Как ни странно, сохранились стёкла в окнах, пожелтевшие кружевные занавески и зеркала в спальне.

Затаив дыхание, поднимаюсь по винтовой лестнице на второй этаж. В пролёте на стене портрет – литография, весь в потёках. Еле различимые черты лица молодой женщины. Чем-то похожа на меня. Из окна кабинета на втором этаже вижу последний луч заката. Осторожно спускаюсь вниз. Страшно скрипят ступеньки. Кажется, лестница вот-вот рухнет, и полечу я прямо в пекло к чертям собачьим.

Ещё раз встречаюсь лицом к лицу с полуистёртым портретом. Твёрдый, немного лукавый взгляд, капризно поджатые губы, причёска и платье семнадцатого века.

Быстро темнело. Прощай, дом-призрак. Я шла по аллее, как будто кто-то смотрел мне в спину, я обернулась – на чёрных, как нефть, волнах времени покачивался остов пиратского корабля...

Смеётся чёрный Роджер
В поднятых парусах.
Есть сердце в океане,
Есть сердце в облаках.

Ночью шёл дождь, и мне снилась, будто я, бездомная, сплю на драном матрасе в спальне дома-призрака. Совсем

рядом раздавалось чье-то басистое покашливание и детский смех.

Гуляя по старым улицам Стокгольма, я слышала, словно эхо, голос моей фантазии – девчонки-подростка, поющей на французском о Марсе, срезающем маргаритки.

Цокали каблучки её маленьких парчовых туфелек по каменной мостовой, шелестел подол бирюзового, расшитого золотом платья.

Я шла за нею следом. Всё не могла нагнать. Но вот она остановилась, обернулась, и в этот момент я стала ею.

Фантазия – это моё имя, так называли меня родители. Мне было пятнадцать лет. Моему богатому покровителю было пятьдесят. Его звали Жорж.

Мои амбициозные разорившиеся родители разрешили денежные неурядицы за мой счёт.

Я встретила Жоржа впервые, когда мне было десять лет, на празднике Середины лета. Я устала плясать, устала от громкой музыки. Совсем недалеко от площади, в парке, среди роз и цветущих, душистых специй не было ни одной живой души. Я углубилась в прохладу парка. И вскоре звуки праздника стихли.

Он сидел в тени беседки в кресле и смотрел в телескоп. Мне тоже захотелось посмотреть.
– Это не игрушка! – сказал Жорж.

Я разозлилась, надерзила. Мне понравилась его снисходительная улыбка.

Он сидел в гостиной и беседовал с моими родителями. Я вбежала, играя со щенком.

Родители закатили глаза:

– Она смеётся!

Мы с Жоржем посмотрели друг на друга, как заговорщики.

Мы оба были авантюристами по натуре.

Он был учёным и негодником.

Он учил меня всему – от фехтования до астрономии.

На весёлых праздниках я часто забывалась, и он тихо спрашивал:

– С кем ты?

Однажды, после столкновения с реальностью, я твёрдо сказала ему:

– С тобой.

Я не любила, но была привязанность, дружба, благодарность. Он часто разъезжал по делам, и я всегда сопровождала его.

Особенно нравились мне морские путешествия. Я любила море – его запах, открытый простор и зыбкость.

Я не думала об опасностях, связанных с этими путешествиями, и напрасно.

Однажды на наш корабль напали пираты.

Словно черти из адской табакерки выпрыгнули они на палубу. Я, видимо, была слишком слаба, чтобы воспринимать ужасное происходящее как реальность.

Но вот на сцену театра страшного абсурда вышла новая фигура – пиратский капитан. Когда я увидела его, то поняла, что ничего стоящего в жизни до этого момента вообще не знала.

Вокруг текла кровь, умирали люди, а я думала о том, как странно меняется цвет в его глазах – от зеленовато-голубого до карего. Ещё я думала, что он смуглый и кудрявый, как цыган, и если я сейчас умру, то не напрасно. Его лицо было спокойно, движения удивительно точны. Он отдавал приказы негромким голосом, звук которого проникал, как клинок, сквозь остальные звуки.

И вот бедные пассажиры стоят на корме, как на чаше весов.

Капитану нужна была женщина. Выбор пал на пышногрудую примадонну. И ещё капитану нужен был образованный собеседник. Выбор пал на Жоржа. Остальных – за борт.

Я поняла, что Жорж любит, когда он сказал, что скорее отправится за борт со мной...

Капитан посмотрел на меня.

– Ладно.

– Возьмёшь двух баб? – раздался хриплый возглас одного из пиратов, и дюжина лужёных глоток взорвалась диким хохотом.

– Я жене не изменяю, – капитан иронично глянул на примадонну.

– А кому девчонка? Всем?

– Отползли от неё! Девчонка с отцом!

Капитан держал своих головорезов в узде.

Нам с Жоржем отвели место в каморке рядом с каютой капитана. По ночам я слышала фальшивый смех и фальшивые стоны примадонны.

Мои дерзости вызывали взрывы хохота у команды. Капитан говорил:

– Не играй с огнём!

И вот однажды мне пришлось идти по доске. Я обернулась, чтобы ещё раз посмотреть на него, и он понял мой взгляд. Доска завибрировала, и я упала, как «конфетка акуле в пасть» – так сказал один из пиратов.

Капитан прыгнул следом.

Я словно превратилась в русалку. Там, в глубине, я могла обнимать его и прижиматься к нему сколько угодно, и это был самый счастливый миг моей жизни.

Стая акул шла следом за кораблём. Акула не дура, но ка-

питан полоснул её ножом. Другие акулы накинулись на неё. Когда он поднялся со мной на борт, я не могла расцепить рук.

Боцман добродушно сказал:

– От страха.

Когда он пришёл в каюту навестить меня, я хотела кинуться ему на шею, но он сделал предупреждающий жест и сказал:

– В следующий раз прыгать не буду.

– Будешь. Признайся, что влюбился! Ты же сам обнимал и целовал меня в воде!

– Сумасбродная девчонка.

Фальшивая примадонна больше не смеётся и не стонет за стеной.

«Я знаю, что ты мой! Я слышу твои мысли! Я обращаюсь к тебе и слышу ответ».

Я не знала, как погасить свою страсть.

Я целовала Жоржа через силу. Он гладил меня по щеке, пытаюсь утешить.

Пиратский корабль настигли суда государственной флотилии. Они давно охотились за ним.

Палубу корабля заливал неестественно яркий свет, словно дрались не люди, а их души. В этом слепящем свете не

видно было красок, не видно было крови, как при захвате нашего корабля, я не верила в реальность происходящего. Я словно оглохла.

Я не слышала выстрела, когда адмирал государственной флотилии стрелял в тебя.

Я видела, как ты упал, и маленькое солнце вышло из твоей груди, поднялось над тобой, облетело палубу.

И вдруг я почувствовала тебя, твоё тепло, как тогда, в воде. Я видела твоё лицо, сотканное из света. Ты улыбался и говорил:

– Что бы ты делала, если бы было иначе? Всё будет хорошо.

Когда я зарыдала, боцман сказал:

– Это она от счастья. Она его ненавидела.

Другие подтвердили. Капитан скептически хмыкнул.

Один из его офицеров сказал:

– Они были в плену у пиратов. Бог знает, что пережили...

Это был довод. К тому же твоя примадонна стала строить глазки капитану. А что ей ещё оставалось делать?

Я всхлипывала на груди у Жоржа.

«Всё будет хорошо». Так и было. Мой покровитель женился на мне, и я прожила всю жизнь в достатке и всю жизнь помнила и любила тебя.

Тонул в закате красном
Пылающий корвет...
С тех пор прошло всего лишь
Недолгих триста лет.

Висит истлевший парус,
И мачта не скрипит,
А сердце в океане не бьётся,
Но не спит...

Я сидела на белом песке у морской кромки и смотрела на закатный горизонт. Я не обернулась на приближающиеся шаги и на твою фразу. Мне не нужно смотреть, чтобы видеть тебя. Ты плюхнулся на песок, сзади одной рукой обнял меня и протянул на ладони жемчужину. Я положила ладонь сверху, и мы стали катать её между ладонями, глядя на закат.

Я стёрла щекой капли воды с твоего плеча.

Прожив пятьдесят лет, я умерла умиротворенная, уважаемая родными и близкими.

Моё одеревеневшее тело отпустило душу.

Не было никакого удивления – этот день, который клоунился к вечеру, продолжался десятки лет, и часть меня всегда была там, с тобой...

Обыкновенный день у моря – просто в этом Лимбо время шло иначе. Там мы были такими, как тогда. Мы не расстава-

лись. У нас ещё был весь вечер и вся ночь.

На барханах, поодаль от пляжа стояли рядом две лёгкие конструкции, напоминающие дельтапланы. Их крылья излучали свет.

Два силуэта в сияющих лётных комбинезонах шли вдоль кромки моря.

Каждый сел в свой воздушный корабль. Минута – и они скользнули ввысь, оставив в небе след в форме креста.

Нам был день для этой встречи.
Один лишь день, длиной в сто лет.
И, отдохнув за это время,
Мы отправляемся в полёт.

Блеснул на ткани серебристой
Земных лесов, полей узор,
И наклонился, развернулся,
Взорвался светом горизонт...

Фантазия приземлила свой летательный аппарат под моим окном.

Безумный сосед со второго этажа выглянул и стал ещё безумнее.

Первые заморозки. Перед домом-призраком растёт ма-

ленькая ёлочка. Рядом стоит старая буржуйка. Я развела огонь.

Люблю приходить сюда... Открою термос – кофе с коньяком. Пью и смотрю, как садится солнце.

Внутри дома стены покрыты инеем.

Тишина тут полна еле слышным многоголосым шёпотом.

Фантазия говорит: «Мой дом – твой дом».

Маркиз. Танец фарфоровых фигурок

«Маркиз совсем выжил из ума», – распускали слухи наследники.

Маркиз часами рассматривал свою любимую табакерку.

Внутри две фигурки сидели у ручья в лесу – Шарль и Шарлотта.

Они прожили вместе всего год.

Первые заморозки покрыли мох, кусты черники и брусники сахарной блестящей глазурью.

Шарль и Шарлотта сидели на мшистом камне, обнявшись, и смотрели на журчащую воду в первых лучах солнца.

Им было тепло и хорошо вместе.

– Откуда музыка? – спросила Шарлотта.

– Откуда-то сверху, – ответил Шарль.

Старая служанка маркиза рассказывала, что он в своё время был так красив, что устоять было невозможно.

У маркиза была коллекция музыкальных табакерок. Когда такая табакерка открывалась, внутри под музыку танцевали менуэт пастух и пастушка – две фарфоровые фигурки.

Маркиз знал все эти танцующие пары внутри табакерок.

Было время – стоило хорошенькой крестьянке из его поместья выйти замуж за красивого парня, маркиз тут как тут.

И что потом?

От новости, что у кого-то родился младенец – его копия, маркиз кривился, как от зубной боли.

Но вот однажды на прогулке по лесу он набрёл на избушку лесника.

В своём поместье он везде был у себя дома.

В быстром ручье среди камней стирала бельё настоящая красотка.

Маркиз даже не слышал, что его лесник Шарль женился.

– Как зовут тебя, дитя?

– Шарлотта, – ответила жена лесника.

Последние жёлтые факелы в синей лазури.
Под конским копытом парчового инея хруст.
Горит, искрится и тает россыпь
Замёршей брусники рубиновых бус.

Как ключик в замке, луч заката в тумане,
На голых кустах паутины застывшая сеть.
Осенней любви подаяньем
Дубовая роща рассыпала медь.

Пресытившийся маркиз мог бы взять силой или просто

приказать, ведь он хозяин, но ему нравилось наблюдать. Он приходил каждый день. Неторопливые прогулки по лесу.

Он сидел у ручья и курил трубку Шарлотта стряпала, мыла посуду, стирала, и её руки становились красными от холодной воды. Маркиз сидел на кухне, греясь у очага. Шарлотта ждала своего мужа. От маркиза так вкусно пахло. Шарль приходил уставший, зная, что маркиз сидит у него. От Шарля остро пахло лесом и заботой. Его взгляд был полон беспокойства.

Шарлотта без страха выставляла маркиза, и он подолгу сидел у избушки, глядя на окна.

Маркизу было много дано. Все себя предлагали. Со временем он понял, что не может взять красоту, не разрушив её.

Приходя, он почти не разговаривал с Шарлоттой, или это были односложные диалоги. Он не хотел прояснить ситуацию, чтобы не разрушить иллюзию. Шарлотта старалась не смотреть на него. Иногда он приносил музыкальные табакерки удивительной красоты. Всякий раз, когда Шарль возвращался, Шарлотта была так рада! Маркиз не мог не нравиться, но в сердце Шарлотты хватало места, и эта симпатия не вытесняла и не уменьшала любовь к мужу.

Когда наступили холода, маркиз уехал в большой город, очень гордый собой.

Она была в плотном коконе холодной слизи, который пронизывали горячие нервы. Она не могла пошевелиться в железном кольце мускулов своего любовника, бесконечно знакомого во сне. Кокон объятия стал таким тяжёлым, что твердь расступилась перед ним. Кокон летел в горящую бездну, но, почти коснувшись пламени, он треснул. Огромная бабочка с огненными крыльями, с телом любовников, сросшихся, как сиамские близнецы, взмыла вверх.

Шарлотте часто снился этот сон.

Жилка ручья пульсировала под тонкой кожей льда.

Там попала в ловушку форель.

Шарлотта оглушила трепыхающуюся рыбу и положила её в корзину.

Снег падал крупными хлопьями.

Шарль обещал взять её завтра в город!

Он только перешагнул порог, как она бросилась на шею и закружила.

– Я никогда нигде не была! – она уткнулась лицом в его мягкие каштановые кудри.

Не похож он на здешних – Шарль.

Жанна была его кормилицей.

– Эдакая кувалда – не согнёшь, а какой поклон отвесила господину, вручившему ей младенца и увесистый кошель, –

рассказывала рябая Челеста. – И господин, видать, не отец ребёнка, а слуга какой-то важной персоны. Отдал – даже не взглянул на ребёнка.

Жанна своих щенков лупила нещадно, а Шарля никогда не била.

Зато от деревенских мальчишек ему здорово доставалось – чужой, красивый.

Пока Жанна не сказала веско муженьку:

– Научи отпор давать. Забьют ведь.

Шарль был проворным и сильным. Как дал отпор – разом все отстали.

Никто с ним не водился – чужой и есть чужой.

Жанна часто вздыхала:

– Что с ним будет?

Но втихомолку им гордились – вот он у нас какой! Принц!

Он любил быть один в лесу и не мудрено, что стал лесником.

Шарлотта была слишком изящна для крестьянских вкусов.

Она нашла Шарля в собственном саду, словно он там рос среди прочих цветов.

Он давно наблюдал за ней.

– Ты что тут корни пустил? А если братья увидят?

– Хочешь, уйду?

– Нет. Оставайся. Живи здесь, только незаметно, как

ёжик.

После нехитрого торжества деревенской свадьбы, когда они остались одни, Шарль предстал перед ней, как полагается, в длинной белой рубаше, серьёзный, как драматический актёр.

Шарлотта расхохоталась:

– Зачем ты это напялил?

– Так полагается.

– Тепло, никто не смотрит, и мы любим друг друга. Сними.

– А сама в платье, башмаках сидишь, ручки сложила, как маленькая. Чего ждёшь?

Шарль погладил её русые с рыжим отливом волосы.

В её серо-голубых широко раскрытых глазах был испуг, голод и доверие приручаемого зверька.

– Не бойся, твой испуг напоминает о верности, и только потом, когда он исчезнет, придёт чувствительность и время пойдёт своим чередом.

Она рассмеялась:

– Что ты говоришь? Что ты говоришь? И это было похоже на прозрачную янтарную смолу цветущих слив. Что ты говоришь? Что ты говоришь?

Они говорили почти беззвучно жаркими сухими поцелуями...

– Опять эта разбойница подбирается к курятнику! Шарль! Поймай её! Поставь капкан! – закричала Шарлотта, увидев ярко-рыжий хвост, мелькнувший среди пушистых сугробов.

– Она почти ручная. Я подружился с этой лисицей прошлой зимой.

– Прошлой зимой у тебя не было ни жены, ни кур.

– Это верно. Может, не стоит тебе ехать со мной в город? Курам будет спокойнее.

– Ох, как тебе не хочется брать меня с собой! Ну, что ты себе там надумал?

– Сон плохой приснился.

– Плюнь на сон! Хочу с тобой! Хочу в город!

Всю дорогу Шарль был не в духе. Шарлотта болтала не о чём. Пару раз он думал: «А не повернуть ли обратно».

Город рассыпался в её глазах как разноцветные бусины с оборвавшейся нитки. Яркие цвета невиданных нарядов, горячие запахи разнообразной снеди, гам толпы, а главное – музыка.

На окружённом толпой помосте труппа бродячих артистов давала представление!

Шарль что-то говорил ей. Она не слушала и, как во сне, пошла на звук музыки в самую гущу толпы, и растворилась в ней.

Шарль рассердился не на шутку:

– Как маленькая! У нас не так много времени. Нужно успеть домой дотемна.

Белокожий рыжий акробат сделал заключительное тройное сальто и приземлился прямо у ног Шарлотты. Толпа ахнула в восхищении. У акробата были ярко-голубые шальные глаза. Они искрились, как иней. Он смотрел только на Шарлотту. Всё представление было для неё. Она бросила ему монетку. Он не вставал с колен.

Колпак с бубенчиками, кожаные штаны, меховая жилетка на голое тело. Под ослепительно-белой кожей его мускулы были как глыбы льда. Широкая алая улыбка.

– Тебе понравилось?

– Да.

– Поцелуй меня!

– Поцелуй его! – закричала толпа.

Шарлотта растерялась.

Тогда акробат притянул её к себе и поцеловал в губы под громкое улюлюканье толпы.

Поцелуй был горяч. Его кожа была холодна и издавала какой-то странный мятный запах, от которого Шарлотта словно проваливалась вниз.

Шарлотта рванулась.

– Куда ты, крошка? – акробат сжал её запястье.

– К мужу. Он ищет меня.

Шарль и Шарлотта молча возвращались домой.

Так же, не сказав ни слова, поужинали, легли в постель и тут же уснули.

Она была в плотном коконе холодной слизи, который пронизывали горячие нервы. Она сразу узнала этот мятный, сладкий запах. В лунном луче жадный алый рот акробата прошептал: «Как же хорошо с тобой, крошка». Она не могла пошевелиться в железном кольце его мускулов. «Ты моя навсегда».

Кокон объятия стал таким тяжёлым, что твердь расступилась перед ним. Кокон летел в горящую бездну, но, почти коснувшись пламени, он треснул. Огромная бабочка с огненными крыльями, с телом любовников, сросшихся, как сиамские близнецы, взмыла вверх.

Шарлотта закричала от наслаждения и ужаса и проснулась.

Шарль отирал её лоб холодной водой.

– Девочка, ты вся горишь.

День был ни хмурый, ни ласковый. И Шарль был такой же. Он протянул ей глиняную кружку с отваром целебных трав.

– Отлежишься, поправишься. Я скоро вернусь.

Солнце разогнало лёгкую светло-серую вуаль облаков.

Снег искрился. Шарлотта задыхалась от жара. Поток искрящейся прохлады проник в дом. Шарлотта встала. Накинула на плечи шерстяную шаль и распахнула дверь.

Над белыми кронами деревьев поднималась струйка дыма.

Шарлотта сунула ноги в башмаки и пошла через сугробы посмотреть, что там.

На лесной поляне остановился на отдых театральный балаганчик.

Актёры грелись у костра. Акробат держал в руке фляжку, к которой периодически прикладывался.

Ни огонь, ни алкоголь не согревали его.

– Она была такая лёгкая. Я бы научил её танцевать.

– Да, в труппе не хватает танцовщицы, – ответил один из актёров.

– Как будто я её раньше видел. С ней я бы мог делать такое... Мы бы летали, как бабочки...

Акробат поднял глаза. Фляжка выпала из его рук.

Среди заснеженных веток стояла Шарлотта.

Мутный голубой взгляд акробата был полон пьяных слёз.

Он не понимал, что видит реальность.

Никто другой не заметил Шарлотту. Она, осторожно придерживая ветки, отошла вглубь кустарника.

Она уверенно ступала по проволоке и совсем не боялась гудящей толпы. На ней было розовое платье с блёстками, за спиной бумажные крылышки.

Шарль нашёл её совсем недалеко от дома. Её глаза были широко открыты, а на её губах была совсем незнакомая ему улыбка Коломбины.

Расхохотался вьюгой ветер,
Приехал цирк, как год назад,
И закрутила сальто-мортале
Зима, как шалый акробат.

Народ собьётся кучей-тучей,
Вглядевшись в любопытство лиц,
Зима язык покажет острый,
Как по следам бегущий лис.

И этот трюк, такой избитый,
Опять кого-то рассмешит.
Неугомонная девчонка
За акробатом побежит.

Когда в начале апреля маркиз вернулся в своё поместье, он отправился на прогулку к домику лесника. Избушка казалась покинутой – холодной и неприбранной. В трактире он увидел Шарля. Тот еле встал, хотел отвесить поклон и не смог удержаться на ногах.

Зимой Шарлотта простудилась, слегла и вскоре умерла от горячки.

После того как Шарль овдовел, он стал ужасно пить.

В память о прекрасной Шарлотте, маркиз предложил Шарлю место слуги.

Они много путешествовали.

Шарль пользовался огромным успехом у служанок, где бы они не останавливались.

Во время путешествий со скуки маркиз научил Шарля фехтовать и стрелять.

В один прекрасный день эти уроки пригодились, когда на большой дороге на них напали разбойники. Они храбро дрались, но Шарль был смертельно ранен. Маркиз хотел отвезти его в ближайшую деревню, но Шарль попросил похоронить его в лесу.

Капли дождя висят на гроздьях рябины,
Как алмазные серьги в тумане.
Влажные губы осенних дождей.
Не навеки прощанье.

Годы ещё впереди,
А потом ад или рай.
Мы ещё встретимся,
Ты это знай.

Незаконные супруги

Шёлковые травы стелются волнами, как золотые волосы прекрасной женщины. Охота в разгаре... Юный герцог Рамиро со своей свитой мчится во весь опор. Небо темнеет. Вот-вот начнётся гроза. А герцогу всё нипочём... Его белая распахнутая рубашка трепещет на ветру. Открытая мускулистая грудь лоснится от пота. На локте сидит охотничий сокол. Сильной рукой он сжимает поводья, усмиряя норовистого коня.

– Светлейший герцог! Не повернуть ли обратно? Вон какая туча!

Хлынул ливень.

Рамиро только смеётся. Он запрокидывает голову, ловя жадным ртом капли дождя, как поцелуи любимой. Раскаты грома и вспышка молнии пугают коней. Конь Рамиро встаёт на дыбы, едва не сбросив седока, и бросается вскачь, не разбирая дороги.

Конь мчится вдоль берега моря. На белом песке темнеет обломок мачты, рядом лоскут парчовой ткани. Несколько дней назад бушевала буря, но никто не видел корабля. Рамиро, наконец, удаётся обуздать своего скакуна. В кустах у берега слышится какой то шорох. Охота продолжается. Рамиро вмиг натянул тетиву и навёл стрелу.

– Пощадите!

Она, нерешительно ступая, вышла из кустов. Молодая женщина, похожая на лесную фею: шёлковые волосы как волны ковыля в степи, бледная, белокожая.

На её алых губах запёкшаяся кровь, слипшаяся от крови прядь волос у виска, платье из дорогой парчи, изодранное в клочья.

– Почему ты так странно ступаешь, у тебя что копытца?!

Она приподняла подол платья, обнажив маленькие израненные ступни.

– Смотрите, с какой добычей герцог вернулся с охоты! – перешёптывались слуги.

– Приготовьте всё к свадьбе, – небрежно бросил Рамиро, – да поторапливайтесь! Этой ночью я хочу лечь с ней на ложе, как с законной женой!

Все поняли, что юный герцог не шутит, и забегали, как оголтелые.

– Бедные мы! Бедные! – голосила толстая кухарка. – Околдовала нашего господина лесная ведьма!

В часовне у небольшой капеллы было тихо. Сюда не проникали крики со двора, где в спешном порядке готовились к торжеству. Священник ясно представлял, какой скандал произведёт поступок сумасбродного юноши.

Он пытался выяснить в разговоре, кто эта молодая жен-

щина, которой через несколько часов предстояло стать герцогиней.

– Я ничего не помню. Только грохот волн, скрип падающей мачты, боль, крики о помощи. Я очнулась на берегу. Не знаю, кто я, как зовут, откуда, чья дочь. Я уже рассказывала.

– Да, да. Я говорил с герцогом. Если вы не против, мы будем называть вас Беатриче.

Беатриче снова и снова пыталась вспомнить.

После свадебного пира, разделяя ложе с мужем, она прислушивалась к своему телу.

Это уже было с ней. Объятия мужчины, полные не только страсти, но нежной заботы, – у неё был муж!

Рамиро прижал её тонкие пальцы к губам.

– Ты одна уцелела после кораблекрушения. Что дурного в том, что я женился на вдове?

Через несколько месяцев у неё появилось ещё одно знакомое чувство.

– Вот увидите! У неё родится не ребёнок, а чёрт с рогами! – говорила толстая кухарка.

Ребёнка принимала старая повитуха, которая в своё время принимала Рамиро.

Повитуха умилялась красоте младенца и говорила, что именно таким был сам Рамиро, когда родился.

Рамиро неохотно собирался в дорогу. Король созывал совет.

– Это ненадолго, любимая. Не грусти.

Но, прибыв ко дворцу, он, как и многие мужья, был рад оказаться вдали от дома в весёлой мужской компании.

И так, бродя по ночному городу с молодыми и не очень повесами, Рамиро забрёл в трактир, известный не только своим славным вином.

Захмелев, прислонившись к стене, он с удовольствием взирал на танец местных красавиц.

Одна из них чем-то напоминала Беатриче.

– Хороша, – вздохнул кто то рядом. – Похожа на мою покойную жену. Утонула меньше года назад. Во время морской прогулки неожиданно разразилась гроза. Корабль разнесло в щепки...

Рамиро повернул голову. Герцог Лоренцо продолжал свой печальный рассказ... Казалось, его никто не слушал в шуме трактира. Они были едва знакомы.

Лоренцо раскрыл медальон с портретом. Рамиро вздрогнул.

Рамиро вернулся домой. Жизнь потекла своим чередом. Никто не обратил особого внимания на незнакомого парнишку, которого приняли помогать по хозяйству. Никто осо-

бенно не обеспокоился, когда этот парнишка вдруг исчез.

Был жаркий день. Беатриче с сыном на руках сидела в тени у пруда, слушая в полудрёме младенческий лепет, глядя на белых бабочек, порхающих над лилиями, и вдруг её слух уловил еле слышную песню. Её пел чистый детский голос. И мелодия, и голос были ей очень знакомы. Беатриче пошла на звук песни и вскоре увидела сидящую на берегу свою маленькую копию.

– Анжела!!!

К герцогине вернулась память.

– Твоё настоящее имя Лючия, – сказал ей герцог Лоренцо.

Состоялось разбирательство. Решением короля Лючии повелевалось вернуться к Лоренцо. Её сын был оставлен на попечение своего отца.

С осенними дождями пришла в их края страшная гостья – чума.

В доме герцога Лоренцо эта незваная гостья забрала с собой маленькую Анжелу. Да и сам герцог собирался в путь вслед за дочерью.

– Стой на пороге! Не входи! – закричал он Лючии, появившейся в дверях спальни. – Не дожидайся моей смерти. Немедленно отправляйся к Рамиро. Я уже отослал письмо ему и королю. Я знаю своего младшего брата. Он спровадит

тебя в монастырь, как только я умру. Торопись. Будь счастлива! Прощай!

Дом Рамиро встретил её скорбным молчанием. Накануне её приезда умер сын. Рамиро в слезах прижал её к себе:

– Я молил Бога о чуде. И вот ты здесь! Ты так нужна мне!

Младший брат герцога Лоренцо явился к королю с жалобой, но письмо, посланное герцогом, опередило.

Решением короля Лючии было позволено остаться в доме Рамиро при условии, что она соблюдёт год траура. По истечении года им разрешалось вступить в брак.

Запрет висел над ними, как туча.

Они не разлучались и, казалось, оба таяли – оба, одетые в чёрное, бледные, как восковые фигуры.

Но вскоре румянец снова заиграл на их щеках.

Слуги утверждали, что герцог и герцогиня спят каждый в своей спальне.

В углу охотничьей хижины горел очаг. На вертеле жарились куропатки. Лючия полулежала в деревянной бадье, свесив ноги. Рамиро сидел обнажённый на расстеленной медвежьей шкуре и поливал её из ковша водой, любуясь красотой её тела.

– Ты сейчас и вправду похожа на лесную фею.

– Запретная любовь сладка и опасна.

– Не бойся. Мы поженимся через три месяца. Я знаю – у тебя будет сын.

Они спали, обнявшись. В очаге еле теплились последние искры.

Вдруг Рамиро проснулся, услышав, как кто-то скребётся и роет землю за дверью.

Сжимая в руке меч, он распахнул дверь. Из мрака на него смотрели горящие глаза зверя. С голодным рычанием животное впилося клыками ему в плечо. Рамиро многократно вонзал меч в тяжёлое мохнатое тело, но зверь казался неуязвимым и не отпускал хват. Лючия проснулась от шума и, схватив тяжёлый вертел, метнула в мохнатое чудовище, терзавшее Рамиро.

Зверь метнулся прочь и исчез в темноте леса. Из рваной раны на плече хлестала кровь. На груди Рамиро остался глубокий след от когтей.

Дома, срочно прибывший лекарь осмотрев Рамиро, нашёл его состояние крайне опасным. Рана была серьёзной.

Слуги перешёптывались. Когда привезли герцога, его рана была перебинтована рубашкой герцогини.

– Да охотился он, – ворчала толстая кухарка, – сама небось обернулась зверем, чуть до смерти не загрызла.

Последующие три месяца до самой свадьбы Рамиро провёл в постели. Но в день свадьбы он встал, взял в руку меч,

сделал несколько взмахов. Его рука была крепка. Он снова был полон сил.

Их второй сын родился через шесть месяцев после свадьбы. На этот факт при дворе закрыли глаза.

Второй сын не был таким красивым, как первый. Он был озорным шалопаем и вечно попадал в истории, но при этом – таким весельчаком, что всегда мог перешутить смерть, сидящую на перекладине виселицы. И потом, заливаясь вином и смехом в трактире, он рассказывал обнимавшим его девочкам:

– Оттого я такой шалый, что моя мать была лесной волшебницей – так говорила старая кухарка.

Сад

Шестилетняя Герда переехала с мамой из центра города на окраину, в район Зелёной долины. Из высотного дома возле гудящего шоссе – в тишину вилл с палисадниками.

Мама ушла на работу, а Герда отправилась исследовать новое место.

Она шла по дороге, по обе стороны которой были виллы. Вся зелень деревьев за оградами, а для Герды – только асфальтовая дорога. Середина лета. Середина буднего дня. Никого. Она шла и шла. Вдруг цепочка вилл оборвалась. Перед Гердой был лес. Ей стало немного страшно, но она шла дальше по еле заметной тропинке, которая кончилась у ржавой калитки. Рядом у ограды висел такой же ржавый почтовый ящик, набитый пожелтевшими старыми газетами. На калитке была надпись «Вход воспрещён». За калиткой заросли шиповника и дикой малины. Она открыла калитку и, стараясь не цепляться за колючки, пошла вглубь зарослей. Тропинка проступила снова, она становилась все чётче и скоро стала дорожкой, посыпанной гравием. По краям росли аккуратно подстриженные кусты роз самых разных сортов. Вдруг Герда услышала где-то за кустами детский смех. Вскоре она вышла на широкую поляну и увидела нескольких детей её возраста, играющих в мяч. Они были удивительно красивы. У них были шелковистые мягкие локоны, тонкие черты лица, нежный

румянец на щеках.

«Такие, наверное, не захотят со мной играть», – подумала Герда. Но один из детей, заметив её, приветливо помахал рукой. Дети с радостью приняли её в игру. Во что они только не играли! И в прятки, и в салочки, и в мяч!

Герда была так рада, что встретила новых друзей.

– А можно я завтра снова к вам приду? – спросила Герда.

Дети удивлённо посмотрели на неё.

– А разве ты не отсюда? Разве ты не живёшь в саду?

– Нет, я живу там, в Зелёной долине.

Герда махнула в сторону, откуда пришла. Но вдруг она поняла, что не помнит, с какой стороны пришла, и ещё она почувствовала, что играла довольно долго. Мама, наверное, уже пришла с работы и беспокоится.

– Здесь выход один. Мы проводим, – сказал один из детей.

Они пошли по знакомой тропинке и вскоре вышли к зарослям дикого кустарника, но никакой калитки за ними не было. Только плотно растущие кусты, сквозь которые невозможно было пройти. Герда заплакала от страха.

– Не бойся! – утешали её дети.

– Надо сбегать за Петром. Он поможет.

Один из детей ушёл и вскоре вернулся в сопровождении статного высокого мужчины с седой бородой.

– Как тебя зовут?

– Герда.

– Герда, разве ты не видела табличку «Вход воспрещён».

Ты не умеешь читать?

– Немножко умею, – виновато ответила Герда.

– В этом саду свои правила. Сейчас вход закрыт. Ничего не поделаешь. Он откроется рано утром. Пойдём со мной.

Герда взяла его тёплую большую руку, и они пошли вместе по тропинке.

– А завтра я могу сюда прийти? – спросила Герда.

– Ну раз уж ты нашла это место, то можешь.

– А можно с мамой?

– Просто обязательно, – на лице Петра появилась добрая улыбка.

Они вышли из сада на каменистый пригорок, на котором стоял одинокий жёлтый домик.

– Это твой дом?

– Нет, тебе придётся здесь переночевать.

Они вошли в дом. Похоже, оттуда недавно переехали. Были оставлены кое-какие старые вещи. Всё аккуратно сложено, убрано. В углу стояла кровать, укрытая застиранным пледом.

– Здесь и будешь спать. Ты, наверное, голодная?

Герда кивнула.

Пётр нашёл в кухонном шкафу сухари и изюм. Заварил чай.

– Кашу без молока ты, наверное, не будешь?

– Если гречневая, то буду.

Когда Пётр вернулся из кухни с тарелкой каши, девочка уже спала.

Он сел у окна, глядя в небо на летнюю зарницу.

– Герда проснись! Тебе пора!

Она сладко спала, и разбудить её, казалось, было невозможно.

Тогда Пётр взял её на руки и понёс, теребя за руку на ходу.

– Герда! Мама ждёт!

Она проснулась у самой калитки.

Пётр осторожно опустил её на землю и сел перед ней на корточки, глядя ей в глаза очень внимательно.

– Герда! Слушай! Это очень важно! Как выйдешь из калитки беги к маме изо всех ног и не смотри по сторонам. Обещаешь?

Герда кивнула.

Она отворила калитку и бросилась бежать. В предрассветном тумане всё было знакомым и незнакомым. Вот, наконец, её дом. Герда распахнула дверь.

– Мама! Я вернулась!

Герда увидела силуэт матери, сидящей на кровати на фоне окна.

Мать повернула к ней лицо. Герда закричала от ужаса. Лицо матери было покрыто глубокими морщинами, а волосы были совершенно седыми.

– Но ты всё равно моя мама! Ты, наверное, очень долго

плакала оттого, что меня не было?

– Да доченька. – И по её щекам потекли слёзы.

– Мама! Я нашла такой красивый сад! Давай пойдём сейчас туда.

Герда взяла мать за руку, и они пошли вместе.

Вот тропинка. Вот калитка. Герда открыла её, отвела рукой ветку шиповника. Мать шла следом. Её лицо стало как прежде молодым.

Храбрый котёнок по прозвищу Паганини

Чёрно-белая шубка двухнедельного котёнка была похожа на кургузый фрак музыканта. Он был нескладный, с тонким, как у мышки хвостиком, но для мамы-кошки он был самым красивым. Она заботливо облизывала его, а он погружал мордочку в её пушистый мех и сосал тёплое молоко. Потом они сладко засыпали, свернувшись в меховой клубок.

Но вот пришёл человек. Оторвал котёнка от мамы. Посадил его в картонную коробку. Поставил коробку в багажник машины. Машина тронулась. Котёнок дрожал и звал маму. Машина затормозила на обочине дороги в лесной зоне.

Шаги человека стихли. Завёлся мотор. Машина уехала. Котёнок сжался в углу коробки.

Среди благоуханного богатства запахов майского леса не было запаха мамы, поэтому мир для котёнка стал пустым и холодным.

Темнело. Котёнок слышал, как смерть перекликается голосами зверей и птиц. Он не смел пошевелиться.

Так, в бессонном ужасе прошло два дня и две ночи. Котёнок постепенно холодел, сжимался и превращался в маленький камень.

На третий день он услышал детские голоса.

Котёнок из последних сил стал отчаянно звать на помощь.

Маленькие беглянки из эмигрантского гетто были некасистыми и слабоумными, но они знали простые истины суровой жизни.

– Бедненький! Куда его? Наши не разрешат.

– А помнишь, тот польский мальчишка говорил, что у его кошки котят!

– Его мама нас не любит. У нас ноги грязные, а у неё ковры.

Агнесс только пришла с работы. Только присела с чашкой кофе. Звонок в дверь. Глянула в глазок. Опять эти девчонки. С коробкой. Опять что-то продают.

Всё же знакомые сына. А их не много.

Открыла.

– Возьмите! А то умрёт!

Квартира Агнесс находилось под покровительством богини кошки Бастет. Пришлось принять котёнка, чтобы не разгневать богиню. Раньше в этой квартире водилось много всякой нечисти, видимо, оставленной предыдущими жильцами. Агнесс и её сын Юрась сразу почувствовали неладное. Им снились кошмары. Они стали часто болеть и ругаться. Их первый кот, огненно-рыжий Манделла, беззаветно любивший своих хозяев, героически погиб в схватке с тёмными силами. Приобретённая через год породистая красавица кошка Пудра была натурой замкнутой, пугливой и осторожной. Она соблюдала нейтралитет.

Ей предоставлялась полная свобода и хороший уход.

Когда приходило время, Пудра выходила на балкон и издавала призывный клич.

Из дальних и ближних мест собирались коты на состязание в силе и ловкости. Победитель удаивался любви Пудры.

Чтобы уберечь своё потомство, Пудра обращалась за помощью к хозяевам за сутки до родов. Те сидели с ней и, как могли, успокаивали.

Потом, лёжа у корзинки с новорождёнными котятами, положив ладони на тёплые пушистые тельца, Агнесс и Юрась впадали в глубокий сон и переносились в благодатный мир богини Бастет. Этот сон приносил им обновление и заряжал светлой энергией.

С каждым новым потомством Пудры тёмная сила слабела и отступала.

Котята Пудры всегда были красивыми и крепкими.

Каждого котёнка Агнесс отдавала в надёжные руки.

Пудра это чувствовала и любила хозяев всё больше и больше.

Маленькие оборванки ушли, оставив в руке Агнесс меховой комок.

Котёнок был тяжёлым и холодным, вобрав в себя ужас последних суток.

Агнесс поставила котёнка перед Пудрой. Заискивающе глядя ей в глаза, котёнок издал мелодичное мурлыканье. Пудра зашипела на него. Котёнок наделал от страха маленькую лужицу.

– Назовём его Паганини, – сказала Агнесс.

Пудра с возмущённым недоумением посмотрела на хозяйку.

Котёнок потупил взгляд, увидев своё жалкое отражение в глазах породистой красавицы кошки.

«Кургузая шубка, плебейская мордочка, хвостик, как у мышки. И ты хочешь, чтобы я его приняла?!» – Пудра фыркнула и гордо удалилась.

Зато котята очень заинтересовались незнакомцем, приняв его за живую игрушку. Они стали весело тужить Паганини.

Их было четверо – Сальса, Джексон, Шанель и Босс. Двухмесячные сорванцы были в два раза больше Паганини. Рисунок на их пушистых трёхцветных шкурках был изысканным и замысловатым. Они чувствовали себя вполне готовыми к взрослой жизни – давно научились ходить в лоток с песком и есть корм для взрослых кошек.

– Покатай меня! – Джексон сел верхом на Паганини. Тот прижался к полу.

– И меня! – весело крикнула Шанель.

– И меня! – крикнул Босс.

– Все прочь! Он моя игрушка, – деловито сказала Сальса,

самая крупная и сильная из всех котят.

Она перевернула Паганини на спину и, сев верхом, обильно помочилась на него. Потрясённый Паганини встал на дрожащие лапки, обтекаемый мочой, и горько заплакал.

– Вы что это вытворяете?! – прикрикнула на котят хозяйка. – Придётся тебя, друг, помыть.

Хоть и вода была щадяще-тёплая, и шампунь самый мягкий, несчастный Паганини вопил так истошно, что сердце Пудры дрогнуло. Она обеспокоенно металась по ванной, а потом принялась облизывать и кормить вымытого страдальца.

Два часа сосал он молоко, пока не высосал всё до последней капли. Кошка поднялась, а он волочился за ней, присосавшись, как пиявка. Агнесс наполнила блюдце взбитыми сливками. Паганини влез в сливки, как пчёлка в белую розу.

Немного успокоившись, он заснул на покрытой полотенцем грелке.

– Ой какой пуфик мягонький!

Джексон плюхнулся на спящего Паганини, тот вздрогнув, проснулся. Котята снова принялись играть с ним, как с живой игрушкой.

Шкаф стоял в углу спальни. Он был тяжёлый, на низких подпорках.

Паганини юркнул под шкаф. Котята бросились следом, но они были слишком большие, чтобы пролезть в узкую щёлку.

Отдышавшись в безопасности, Паганини почувствовал

невыносимую тяжесть жизни. Он заснул с мрачными мыслями.

Ему показалось, что он снова в лесу. Он проснулся с острым чувством голода и холода. Осторожно вылез из-под шкафа. Кошка была на прогулке. Котята спали в корзинке. Они вздрагивали и ворчали во сне. От них аппетитно пахло молоком. Паганини залез в корзинку и стал отчаянно искать в их пушистых шкурках сосок с молоком. Ему казалось, что вот-вот отыщет. Голод ожесточённо грыз тельце Паганини. Он подумал, что если не найдёт соска, то можно просто прогрызть дырочку в шкурке и высосать жизненный сок из котят. Кошка появилась вовремя.

– Ты что надумал?! – зашипела она.

Паганини сжался, снова стал маленьким камнем.

– Там под шкафом живёт чёрный котёнок. Он сказал мне, что так можно.

– Никакой он не котёнок. Он Плохой. Что ещё он тебе сказал?

– Он сказал, что живёт в огне, поэтому он холодный внутри и постоянно выделяет холод. Он сказал, что холодным жить легче. Нужно всего пару глотков крови – и наелся. Он сказал, что я скоро умру. Он спросил, хочу ли я тоже стать холодным, тогда не придётся умирать. Он сказал, что я, так же как и он, здесь чужой, поэтому приходится прятаться под шкафом.

– Ты ему не верь. Я отогрею тебя. Хозяйка поможет. Ко-

тятям скажу, чтобы не обижали. Ты и сам себя в обиду не давай. Они, наверное, думают, что ты – это он. Ты быстро повзрослел, когда был один.

Когда они были такие маленькие, как ты, они из корзинки вылезти не могли, а он их покусал. А теперь они его достать не могут. Только ты можешь. Он тебя боится, вот и подбивает на всякие гадости.

– Откуда он взялся?

– Я не знаю. Раньше их много было. Кого я с котятками переловила, кто сам ушёл. Этот, последний, не хочет сдавать позиций.

– Я устал.

– Это потому, что он тебя укусил, пока ты спал. Видишь – у тебя ранка на лапе. Я её залижу, и всё пройдёт. Наберись сил и сразись с ним. Помоги нам от него избавиться, и богиня Бастет тебя наградит! Чего бы тебе хотелось больше всего?

– Я хотел бы вернуться к маме.

– Посмотри, он такой хилый, боюсь, что умрёт. Я его к кошке подкладывал, а он молока не пьёт. Сжался в комок и дрожит.

– Юрась, его нужно отогреть и приласкать, тогда он поправится.

Еле теплился в ладонях огонёк кошачьей жизни.

Хозяева гладили и грели. Дрожь сменилась мурлыканьем.

Паганини всё-таки собрался с силами и стал пить молоко Пудры, лёжа на покрытой полотенцем грелке.

– Всемиловитая богиня Бастет, не оставь нас своим теплом и светом. Помогите нам избавиться от последнего оплота тёмной силы в нашем жилище. Дай силу нашему приёмщику сразиться со злом.

Агнесс молилась на польском, а Пудра на кошачьем.

Паганини стал младшим братом. Котята тренировали своего чемпиона в честных схватках.

За считанные дни он научился тому, что умели большие.

Паганини увидел загоревшийся под шкафом огонёк. Там, в дальнем углу у стенки, открылась маленькая дверь. Дымящийся силуэт Плохого вполз из огненного мира в щель под шкафом.

Паганини знал, что он сильнее. Он не боялся Плохого и первым кинулся на него. Котята и кошка беспокойно ждали, прислушиваясь к звукам схватки. Наконец сильным толчком Паганини вытолкнул Плохого из-под шкафа.

Агнесс тщательно пропылесосила квартиру, чтобы ни одного ошмётка Плохого не осталось.

Потом Агнесс и Юрась сожгли в лесу пакетик с ошмётками и закопали пепел.

Пришло время размещать на сайте купли-продажи анонс:

«Продаются красивые, породистые котята».

В числе покупателей была пожилая пара, у которых недавно умер от старости любимый кот. Она долго выбирали, потом сказали, что нужно подумать.

На следующий день они позвонили и сказали, что им обоим приснился их старый кот. Он хотел, чтобы взяли того маленького котёнка, что не был указан в анонсе.

– Он хоть и маленький, но ходит в песочек и ест корм для взрослых.

Агнесс поняла, что это сама богиня Бастет вмешалась в судьбу котёнка.

На этот раз Паганини не боялся путешествия.

Сидя у новой хозяйки на руках, он мелодично мурлыкал.

На новом месте он быстро освоился. Хозяева жили в уютном доме с садом. На следующий день он отправился на прогулку. Что-то знакомое витало в воздухе. Паганини следовал еле уловимым флюидам, которые становились всё отчетливей. Они привели его к стоявшему неподалёку трёхэтажному дому. На балконе первого этажа сидела мама.

Не успев повзрослеть,
Ты из детства ушёл навсегда.
Ты носишь повсюду
Доспехи из льда.

На этих доспехах
Бензина подтёки и пятна,
Приляг у корзинки,
Где спят котята.
Очистись, оттай, усни,
Согрейся в лучах
Кошачьей любви.

Пусть ярость отпустит,
И мир в твоём сердце прибудет.
Кошачье сердце
Тебя не забудет.

Пусть белыми птицами
Сны твои плавно летят,
Пусть солнце в них светит
Корзинкою полною спящих котят.

Принц Мартин

Мартин был всего лишь игрушкой, желанной для многих, но недоступно дорогой...

Эта игрушка сидела в витрине магазина. Многие, проходя, заглядывались, а потом начинали мечтать о ней.

Избалованным детям – родителям Мартина – жизнь дарила много игрушек, из которых Мартин был единственной одушевлённой.

Правда, те, кто хорошо знал Мартина, в этом сомневались.

Мама с папой покинули жизнь, играючи: обкатывая новую гоночную машину, они так страстно целовались, что не заметили, как съехали с дороги и врезались в дуб.

Эти несерьёзные люди не оставили особого следа ни на стволе дерева, ни в сердце ребёнка.

Мартина всегда смешили слёзы, особенно слёзы старичков-родственников. «Наш маленький принц!» – гнусавили они.

Мартин был красив, как принц. Но принц не стал королём. Он не хотел отягощать себя властью.

Тётя Августа даже в старости была похожа на красивую куклу. Она была помешанной, особенно на куклах. Она са-

ма мастерила их. В этом она была большая искусница. Она могла бы зарабатывать деньги на своём искусстве. Но Августа не нуждалась...

Никто не додумался отнять у неё потомственный капитал, видимо, только потому, что она редко выходила из дома и почти ни с кем не общалась.

Она жила, как фарфоровая фигурка в музыкальной табакерке, где замедленное время тихо накапывало бисерным дождём старинную мелодию.

Тётя Августа не любила излишнее внимание. На сцене её жизни был всего лишь один актёр и один зритель – она сама.

Августа ежедневно составляла на кухонном столе великолепные натюрморты из цветов и фруктов в красивых вазах. У неё был вкус.

Её маленький мир был гармоничен, и центром его был Мартин. Самой удачной её куклой была кукла-младенец Мартин. Августа сделала её, когда Мартин родился. У куклы был секрет – она выросла. Об этом секрете никто не знал. В чулане Августы был идеальный порядок. Там среди цветастых коробок с лоскутами материи, шкатулок с пуговицами и нитками сидела в старинном кресле кукла Мартин. Входя в чулан, Августа здоровалась. В чулане всегда горел ночник.

Августа обожала Мартина, потому что вложила в него душу.

Мирок её дома напоминал дорогой игрушечный магазин. Мартин любил бывать здесь, пить ароматный чай со сла-

достяями, листать иллюстрации к сказкам в золотых переплётах. Он сам иногда смеялся над собой – как тридцатилетний мужчина может любить подобное занятие, но Мартин понимал, что, не имея детства, он был его пленником. Он мог приходиться сюда когда угодно. Тётя не требовала внимания.

Дом её окружал старомодный сад, полный мраморных гномиков и ангелочков среди пышных кустов роз.

В то утро первый лёгкий морозец покрыл инеем розы, гномиков и ангелочков в саду.

Мартин, как обычно, вошёл в этот уютный мирок чужого одиночества, который он считал своим.

Августа, всегда такая нейтральная, вдруг возникла перед ним заплаканная, дрожащая, с горящим взглядом: «Я люблю тебя!»

«Боже мой! Она не понимает, сколько ей лет!»

Он тут же ушёл.

На следующее утро служанка Августы открыла входную дверь, но не смогла войти. Едкий запах газа захватил дыхание. Мёртвая старая кукла Августа сидела у чугунной газовой плиты в элегантной позе.

Она завещала Мартину всё, что имела.

Мартин Шиммер купался в роскоши одиночества.

Прислуга приходила в его отсутствие.

Он всегда был занят в основном созерцанием и педанти-

чен в этом занятии. Он без труда устроил свою жизнь так, чтобы ему никто не мешал. Он мог себе это позволить.

Мартин никогда не скучал в одиночестве. Он скучал с людьми. Единственно интересными он находил ничтожных глупцов, мнящих себя великими. Выманить такого мечтателя на свет реальности было равноценно убийству.

Изобретатели вечного двигателя, бездарные любители, называвшие себя певцами, поэтами, писателями, художниками, и прочие маньяки, мнящие себя гениями, становились жертвами игры, которая стала для Мартина профессиональным хобби.

Он устраивал творческие вечера, приглашал прессу, экспертов, не скупясь на презентации, и несчастный мечтатель сторал со стыда в ярком свете рампы.

Целую вереницу нелепых образов Мартин безжалостно поставил перед лицом их нелепых идей. И потом они исчезали бесследно.

Это шоу стало своеобразным театром и приобрело свою публику.

И вдруг Мартину стали являться образы тех, над чьей неприглядной наготой он когда-то насмеялся. Только теперь эти образы больше не казались ему жалкими, а наоборот, эти чудачки были трогательными и славными, они улыбались ему тепло и радушно. Мартин сожалел, что вовремя не позабо-

тился о них. Ведь они могли стать его друзьями. У Мартина появилось чувство, что он обрёл семью.

Выше головы не прыгнешь. Семнадцатилетняя воспитанница детского дома Фрида мыла посуду и вытирала столики в привокзальной пивной.

Её единственным другом был остро наточенный нож, который она завела ещё в детдоме.

Она верила, что где-то есть другая жизнь и другие люди. Ещё она верила в то, что паранджу придумали женщины, чтобы оградить себя от омерзительных мужчин.

Фриду называли принцессой.

Чтобы не сойти с ума, она придумала про себя сказку.

Мартин дал себе зарок, но не смог его сдержать.

Он снова оказался там, где водятся жалкие ничтожества.

Мартин не мог без смеха смотреть, с какой брезгливостью Фрида вытирала грязные столики серой тряпкой.

– Еде ты покупаешь себе одежду? – спросил Мартин.

– В магазине уценённых вещей, – ответила она с достоинством.

«Он оттуда, где другая жизнь. Он похож на принца. К нам сюда такие не заходят».

Мартин не знал, что делать с домом, оставленным ему в

наследство Августой.

Он скучал по этому дому и боялся его.

Маклер без труда нашёл покупателя. Мартин думал, что домом, скорее всего, заинтересуется семья, но покупателем оказался мужчина, чем-то похожий на него самого, – одинокий, богатый чудак.

Мартин извинился, что продаёт дом как есть, не убрав, не отремонтировав.

Покупатель сказал, что это к лучшему. Сейчас он отправляется в дальнее путешествие на своей яхте, а когда вернётся, произведёт ремонт и реконструкцию дома по своему вкусу.

Мартин проснулся неожиданно в середине ночи. Ему приснилось, что он на дне моря.

Покупатель стоял посередине комнаты.

– Моё путешествие закончилось, – сказал он, – теперь этот дом твой.

Окончательно проснувшись, Мартин обратил внимание, что покупатель словно просвечивает сквозь толщу воды и лицо его идеализированно размыто.

– Что случилось?

– Это не важно. Жизнь и смерть одинокого путешественника полна неожиданностей. Меня никогда не найдут.

Марта – старая служанка Августы очень обрадовалась, ко-

гда Мартин позвонил.

Конечно! Она с удовольствием вернётся на службу!

Нет, Мартин не будет там жить. Он будет приходить, как прежде, пить ароматный чай со сладостями и листать иллюстрации к сказкам в золотых переплётах.

Марта привычно открыла дверь дома Августы и принялась стирать пыль, пылесосить, протирать. Всё знакомо и привычно. Вот только кладовка на чердаке? Августа там что-то прятала. Марта поднялась на чердак и открыла дверь кладовки.

За дверью в кресле сидел Мартин-кукла.

Что-то неестественное и жуткое было в его неподвижном лице.

– Кто разрешил открывать?! – сказала кукла механическим голосом.

Марта рухнула в обморок.

Когда она очнулась, кладовка была пуста.

Когда Марта отказалась от места, Мартин вспомнил о смешной маленькой Фриде.

Он принц, и он привёз её в прекрасный замок.

Фрида ходила по комнатам дома Августы и таяла от счастья.

Мартин будет приходить сюда, и она будет ждать его.

Мартин и Фрида работали в саду – подрезали кусты роз, посыпали гравием дорожки, подновляли потрескавшиеся скульптуры ангелочков и гномиков.

– Зачем тебе садовник? Мы и сами можем, – наивно улыбаясь, спросила Фрида.

– Конечно. За работой мы ближе друг другу, – ответил Мартин.

– Тогда увольь его. Что он тут маячит?

– Кого? У меня нет садовника.

– А этот, который ходит по дому и возится в саду?

Маленькая глупышка Фрида попала, как соринка, в устрицу одиночества Мартина.

Ей нечем было платить за его грехи.

Чувство беспокойства за кого-то другого было для Мартина незнакомым, удивительным и тёплым.

Он решил забрать Фриду к себе.

Мартин открыл дверь дома Августы. Резкий запах газа перехватил дыхание.

Он вбежал в комнату, где спала Фрида. На краю постели рядом со спящей Фридой сидела кукла Мартин, держа палец на ролике зажигалки.

«Поменяемся местами, поменяемся ролями», – механическим голосом произнесла кукла Мартин.

Дверь кладовки закрылась, как крышка гроба. Мартин задышался от газа. Мягкое бархатное кресло сковало его, как железный стул для пыток. Мартин занял место куклы. Он потерял способность двигаться и онемел.

Так сидел он в темноте в ожидании смерти.

Вдруг слышались голоса и топот шагов, поднимающихся по лестнице.

– Он где-то здесь! Он зовёт на помощь! – взволнованно говорила Фрида.

– Успокойся. Мы найдём его, – отвечал чей-то знакомый голос.

– Мы выключили газ и открыли все окна, – ответил ещё один знакомый голос.

Дверь открылась.

Помощниками Фриды были жертвы Мартина. Нелепые добродушные чудаки суетились, погружая Мартина в садовую тележку. Его перенесли в спальню, раздели, уложили в постель.

Удивляясь материальности призраков, Мартин стал подозревать, что перешагнул границы материального мира.

Фрида взяла на себя роль сиделки. Она была заботливой и преданной. Она бы с радостью посвятила Мартину всю жизнь. Но у неё не было жизни. Фрида не подозревала, что

была мертва. Каждую ночь она ложилась в постель с Мартином, и он чувствовал её холод.

Но в один прекрасный день Мартин покинул её, оставив безжизненное тело.

Кукла Мартин вступила в свои права на владение домом.

Новый хозяин-кукла помог Фриде выкопать могилу. Скульптуры гномиков и ангелочков они составили вокруг, как ограду.

Фрида с ранних лет училась уживаться. Она научилась умирать.

Толстый дальнобойщик Юхан Кабан думал, что ему на трассе обломилась удача в виде лопухой зассыхи Фриды.

Когда он ввёл свой член в юное тело своей добычи, это тело тут же охватил стремительный процесс распада. Покойница вlepила в заплывшую рожу Юхана смачный поцелуй, что спровоцировало у него обширный инфаркт, из которого Юхан не выкарабкался.

Дом Августы, как волшебная шкатулка, производил метаморфозы с теми, кто в него попадал. Специально для Фриды время исполняло необычный танец. Сначала она не поняла, что с ней происходит. Потом ей эта игра понравилась. Рулетка времени вертелась взад и вперёд, останавливаясь на той же отметке.

Пасмурные сумерки стекали мутными каплями со стёкол

пивной. Фриду там никто не помнил. Она сидела за столиком одна, юная и сладкая. Поводя коленками, Фрида робко поглядывала на небритого таксиста. Тот скабрёзно улыбался в ответ.

Ух и посчитается она с ними! С кем-то разберётся сама. Кого-то пригласит к кукле. Кукла любит играть в людей.

Детский сад «Гнездо дракона»

Я не умею играть на дудочке, но я пою. Детям нравится моё пение. Часто бывает – домашние дети и животные увязываются за мной, как бездомные.

Я долго искала работу по специальности «воспитательница». Искала способами обычными и необычными: по объявлениям или просто стучалась в двери детских садов, держа в руках дипломы и рекомендации, возникала на детской площадке среди играющих детей, и они тут же втягивали меня в свою игру.

Иногда я стояла в толпе играющих детей невидимая. Дети прекрасно чувствовали моё присутствие, но понимали, что, если человек стоит в толпе невидимый, значит, он пока не освоился.

Наконец в этом мире людей со мной случилось чудо – меня взяли на работу в детский сад.

Автобус ходил туда два раза в день – утром и вечером.

От остановки вглубь соснового леса шла тропинка.

Среди леса, на вершине холма, как на плечи великана, стоял жёлтый дом.

По соседству было несколько плешей поменьше. Между ними озеро с берегами, поросшими густым камышом.

Владелица детского сада Кайса выглядела, как девочка, которую превратили во взрослую. Она разговаривала детским голосом.

Здание детского сада – дом, который долгое время пустовал, по-видимому, был детским садом для маленьких привидений. Об этом мне потом рассказала молодая воспитательница Дженни, которая попыталась там жить, чтобы сэкономить на квартплате. Кайса ей позволила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.